

уничтоживъ все, сталъ постепенно угасать, а стрѣльба становилась все рѣже и рѣже.

Въ монастырѣ у монаховъ происходило ночное бдѣніе. Многіе изъ бѣглецовъ, непривычные къ войнѣ, въ страхѣ прислушивались къ протяжному гулу пушечныхъ выстрѣловъ, къ оглушительному треску разрывающихся бомбъ. Одни изъ бѣглецовъ молились, другіе влѣзали на стѣны, смотрѣли на освѣщенный заревомъ пожара лагерь шведскаго войска, съ безпокойствомъ думая о томъ, что будетъ завтра.

Пріоръ, послѣ молитвы, тихо направился къ сѣверной части стѣны, провѣрилъ караулы и спустился во дворъ. Въ ночной тишинѣ слышались только шаги мѣрно прохаживающихся часовыхъ, да время отъ времени тихо произносимый ими при смѣнѣ пароль: «Пресвятая Дѣва — Святой Павелъ».

XIV.

Кордецкій направился къ квартирѣ, занимаемой Яномъ Лассотой, и, замѣтивъ свѣтъ, тихо постучалъ въ дверь. Оттуда послышался слабый невнятный старческій голосъ. Пріоръ вошелъ и засталъ больного старика сидящимъ на постели, съ печально склоненной головой, съ взглядомъ, выражавшимъ глубокое страданіе. Возлѣ него на маленькомъ стулѣ сидѣла Ганна и время отъ времени утирала набѣгавшія слезы. Блѣдный мигающій свѣтъ лампы слабо освѣщала небольшую убогую, со сводчатымъ потолокомъ, комнату. Старецъ, услышавъ легкій скрипъ открывшихся дверей, поднялъ голову, предполагая, что это входитъ его братъ, но, замѣтивъ пріора, снова въ молчаніи опустилъ ее, какъ бы давая понять, что прибывшій не былъ для него желаннымъ гостемъ. Кордецкій не обратилъ на это вниманія и спокойно сѣлъ у постели.

— Братъ мой, — сказалъ онъ, — вижу, что ты страдаешь, и потому мнѣ хочется тебя утѣшить, насколько это, конечно, въ моихъ силахъ, хочется внѣдрить въ тебя терпѣніе и выносливость.

— Какъ же мнѣ не страдать? — возразилъ, послѣ минутнаго молчанія, Лассота. — Вы видите, отче, этого ребенка —

вотъ все, что мнѣ осталось на свѣтѣ, всего остального лишилъ меня врагъ. Чувствую приближеніе смерти, а, между тѣмъ, мнѣ не на кого оставить это единственное дорогое для меня существо...

— А Богъ, мой братъ, а Богъ?

— Богъ меня забылъ.

— Что говоришь, старикъ! что говоришь?... Опомнись, не Богъ тебя, а, скорѣе, ты Его забылъ.

Лассота молчалъ.

— Мнѣ бы не хотѣлось разстроивать тебя непріятными разспросами,—продолжалъ Кордецкій,—но, какъ хозяинъ монастыря, я бы желалъ предотвратить тяжелую встрѣчу, а потому скажи, кто тебѣ причиняетъ здѣсь такое страданіе и кого ты считаешь врагомъ?

— Развѣ вы еще не знаете?

— Я никого не спрашивалъ. Довѣрься мнѣ и Расскажи все чистосердечно; быть можетъ, легче станетъ.

— Да, я бы желалъ... но не знаю... сумѣю-ли...—проговорилъ онъ, взглянувъ на внучку.

— А прежде всего,—сказалъ пріоръ,—знай, что нѣтъ болѣе страшнаго страданія, чѣмъ то, которое причиняетъ ненависть. Это ядъ, уничтожающій въ насъ все великое и святое; отравляясь имъ, нельзя ни молиться, ни любить Бога, ни людей, все въ душѣ тогда угасаетъ или превращается въ горечь. Постарайся всѣмъ сердцемъ вознестись къ Богу и простить обиды, и тогда ты увидишь, какъ легко вздохнешь потомъ, какая надежда, какое спокойствіе проникнуть въ твою душу.

— Забыть! простить!—воскликнулъ старикъ.—О! нѣтъ, не могу, не могу... Забыть страданіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, забыть все, что пережилъ за это время! Во имя Бога я, быть можетъ, сумѣлъ бы, если бы не видѣлъ его, но простить страданія другихъ, тѣхъ, которыхъ я такъ горячо любилъ, которыхъ меня лишили... Никогда! никогда!

Пріоръ на минуту умолкъ.

— Все,—сказалъ онъ, наконецъ,—надо простить, все, какъ забылъ и простилъ Богъ, если самъ хочешь получить прощеніе.

— Знаю, — медленно проговорилъ шляхтичъ, — такъ какъ ежедневно повторяю слова молитвы, но все же простить не могу.

— И оттого страдаешь, — замѣтилъ Кордецкій

— Можно простить страдающимъ, униженнымъ, но дерзкимъ и издѣвающимся...

— Повторяю тебѣ, мой братъ, всегда, и въ особенности стоя на краю могилы, надо все и всѣмъ простить. Христосъ можетъ служить для насъ вѣчнымъ примѣромъ: Онъ молился за своихъ палачей въ то время, когда они его истязали, и простилъ не только свои мученія, но и страданія своей Матери....

Шляхтичъ застоналъ, взглянулъ на внучку, и двѣ крупныя слезы скатились по его исхудалымъ щекамъ, окрашеннымъ болѣзненнымъ румянцемъ.

— Выслушайте меня, отче, — сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, замѣтивъ, что Ганна вышла въ другую комнату. — Узнайте мою жизнь, а потомъ рѣшите, — виноватъ-ли я въ томъ, что не могу простить; жизнь моя не совсѣмъ обыкновенная. Вамъ, быть можетъ, извѣстно отъ моего брата, что мы не были бѣдны, далеко нѣтъ! У насъ было болѣе или менѣе значительное состояніе, честное имя и мы пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Насъ только двое было у отца, но младшаго заранѣе было рѣшено отдать въ монастырь, такъ какъ мать безгранично любила только меня одного. Давно это было, отче! Я теперь сѣдой старикъ, но то были счастливѣйшія минуты моей жизни, не омраченныя никакими заботами о будущемъ. Я воспитывался отчасти дома, отчасти въ іезуитской коллегіи, а затѣмъ, когда Богъ отнялъ у меня отца, вернулся къ матери помогать ей въ хозяйствѣ. Я былъ избалованъ, такъ какъ мнѣ ни въ чемъ не было отказа. Нерѣдко въ обществѣ веселыхъ товарищей я охотился по цѣлымъ днямъ и ночамъ, едва успѣвая на нѣсколько минутъ заглянуть къ моей старой доброй матери. Помогать ей въ хозяйствѣ мнѣ не особенно хотѣлось, но бѣдная старушка никогда на это не жаловалась. Однажды, не помню, по какимъ дѣламъ, мнѣ пришлось быть въ Сандомирѣ. Я пробылъ тамъ нѣсколько дней, и насколько было возможно, развлекался съ встрѣтившимися тамъ знакомыми. Случилось такъ, что во время моего пребыванія въ этомъ городѣ самый богатый изъ тамошнихъ мѣщанъ, нѣкій Францискъ Галларъ,

выдавалъ свою старшую дочь замужъ, и, по обычаю того времени, пригласилъ на свадьбу всѣхъ, съ кѣмъ только ни встрѣчался. Такимъ образомъ, въ квартиру богатаго купца явились знакомые и незнакомые. Семейное торжество продолжалось десять дней. Такъ какъ моя квартира была недалеко отъ дома этого купца, а товарищи мои давно уже знали его, то они почти насильно заставили меня пойти вмѣстѣ съ ними на свадьбу. Странно, но какъ иногда судьба человѣка зависитъ отъ какой нибудь простой случайности, (старецъ при этомъ тяжело вздохнулъ) но мнѣ не жаль, вовсе не жаль. Старшая дочь Галлара выходила замужъ за дворянина, такъ какъ ея отецъ былъ богатымъ купцомъ и (какъ онъ говорилъ о себѣ), изгнанникомъ religionis causa изъ какого-то нѣмецкаго государства, гдѣ преслѣдовали католиковъ. Онъ рассказывалъ, что происходитъ изъ дворянъ и только въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ принужденъ былъ заняться торговлей. Одинъ Богъ знаетъ, правду-ли онъ говорилъ. Впрочемъ, онъ на самомъ дѣлѣ отличался отъ другихъ какъ фигурой, такъ и манерами. Но особенно выдѣлялись его прекрасныя дочери. Ихъ было двѣ; старшая, выходившая замужъ за господина Отренбовскаго, была очаровательна, но младшая была положительно звѣздой среди этого мѣщанства. При видѣ ея, я забылъ обо всемъ и почти не отрываясь глядѣлъ на это чудное созданіе. Теперь мнѣ даже и не думалось уходить со свадьбы, и я ближе познакомился съ Галларами, которые, узнавъ кто я такой, приняли меня, какъ и подобало, чрезвычайно любезно и предупредительно. Констанція, такъ называлась младшая, часто со мной танцевала и была очень мила. За ней видимо ухаживали многіе, такъ что у меня съ ними подъ конецъ вечера чуть не дошло дѣло до сабель. Въ послѣдній день не обошлось безъ крупной ссоры. Я съ самаго начала замѣтилъ, что около Констанціи вертѣлась масса поклонниковъ, но я ихъ скоро разогналъ, такъ какъ это все были мѣщане. Остался одинъ усачъ-шляхтичъ, нѣкій Кништопорскій, и этотъ не уступалъ ни на шагъ. Мы обмѣнялись нѣсколькими рѣзкими фразами и чуть было не схватились, но какъ-то другіе намъ помѣшали изъ уваженія къ почтенному хозяину. Констанція, казалось, выказывала расположеніе ко мнѣ, но тѣмъ не менѣе кокетничала съ

Кшиштопорскимъ. Мнѣ это, конечно, очень не нравилось, но я терпѣлъ. Свадебные дни кончились, а я все сидѣлъ въ Сандомірѣ, несмотря на частыя письма матери, торопившей меня домой. Каждый вечеръ меня неудержимо тянуло къ Галларамъ, гдѣ я встрѣчалъ очень любезный пріемъ. Наконецъ, прошло еще десять дней и пришлось уѣхать домой, такъ какъ всѣ деньги были израсходованы. Мать, хотя знала обо всемъ отъ бывшаго со мной слуги, однако молчала. Но когда вскорѣ я опять собрался въ Сандоміръ, она откровенно заявила: «ты думаешь, я ничего не знаю? Имѣй, однако, въ виду, что изъ этого ничего не выйдетъ». Я упалъ къ ногамъ матери и сказалъ прямо, что не могу жить безъ Констанціи. Дѣло не обошлось безъ спора и просьбъ. Мнѣ приходилось то доказывать дворянское происхожденіе Галларовъ, то угрожать поступленіемъ въ казаки. Въ концѣ концовъ, добрая, любящая мать уступила, и я отправился. Мое пребываніе въ Сандомірѣ продолжалось цѣлый мѣсяцъ, и я открыто ухаживалъ за Констанціей, но Кшиштопорскій, однако, не уступалъ. Тогда, не долго думая, я вызвалъ его на поединокъ, но, къ сожаленію, напрасно, такъ какъ хотя и ранилъ его, но онъ скоро отлежался и опять явился къ Галларамъ. А Констанція, пока я былъ одинъ, была очень любезна со мною, но лишь только являлся Кшиштопорскій, какъ она сама уже не знала кого выбрать. Противникъ мой былъ человекъ красивый, смѣлый, остроумный, что женщинамъ очень нравится. Въ инныя минуты мнѣ было ясно, что изъ всего этого добра не будетъ, но я былъ точно околдованъ, въ чемъ старались убѣдить меня, какъ мать, такъ и всѣ окружающіе. Любовь моя возрастала съ каждымъ днемъ. Спустя нѣкорое время, умерла моя мать, и я сдѣлался совершенно самостоятельнымъ. Трауръ долженъ былъ продолжаться годъ и шесть недѣль; я не дождался его окончанія и сдѣлалъ формальное предложеніе. Галларъ принялъ его и поблагодарилъ за оказанную ему честь. Констанція немного поплакала, но я счелъ это обыкновенной церемоніей; мы обручились, а свадьба была назначена послѣ окончанія траура. Между прочимъ, многіе говорили, что обрученіе во время траура не предвѣщаетъ счастья, но эта примѣта тогда меня нисколько не беспокоила и не интересовала. Но, что было

удивительно, такъ это то, что въ каждый мой прїѣздъ, я заставлялъ возлѣ Констанціи Кшиштопорскаго. Для меня это было очень непріятно, и я уже собирался вызвать его вторично на поединокъ, какъ родители дѣвушки сами поспѣшили отказать ему отъ дома. Мнѣ только этого недоставало для полнаго счастья, и я совсѣмъ потерялъ голову. Между тѣмъ, старый Галларъ постепенно разспрашивалъ меня о моемъ состояніи, какъ бы для обезпеченія будущаго своей дочери, съ своей стороны обѣщая чуть-ли не золотыя горы. Имѣніе мое было хорошее, никакихъ долговъ или обязательствъ не было, такъ что сомнѣнію въ этомъ отношеніи не могло быть мѣста. Старикъ, впрочемъ, зналъ мои обстоятельства не хуже меня, но тѣмъ не менѣе, играя уже на моемъ чувствѣ, сталъ доказывать, что, принимая во вниманіе моихъ родственниковъ, необходимо обезпечить Констанцію на случай, сохрани Богъ, моей смерти. Я, очертя голову, передалъ будущей женѣ все свое имущество, безъ всякихъ оговорокъ и изъятій. Актъ былъ совершенъ какъ бы въ формѣ запродажи. Вскорѣ окончился трауръ, я женился и увезъ Констанцію въ деревню. Три-четыре мѣсяца прошли счастливо, но, спустя немного, я замѣтилъ, что жена моя, привыкшая къ городской жизни и ея развлеченіямъ, видимо стала, скучать въ деревнѣ и ничѣмъ не желала заниматься. Хозяйство начало идти изъ рукъ вонъ плохо. Для развлеченія ея надо было безпрестанно приглашать гостей, устраивать вечера и обѣды. Я начиналъ терять терпѣніе и ждалъ, когда же это все кончится, но куда тамъ! чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Наконецъ, дѣло дошло до того, что у меня положительно руки опустились. Но вотъ Богъ послалъ намъ дочь. Меня утѣшала надежда, что съ рожденіемъ ребенка она перемѣнится, и жизнь пойдетъ нормальнымъ путемъ, но, увы, все осталось попрежнему. Ребенка съ мамкой отправила въ дѣтскую, а сама, какъ только поправилась, опять принялась за старое: то вези ее въ Сандоміръ, то дома устраивай банкеты, есть ли деньги, или нѣтъ. Въ довершеніе всего, время отъ времени у окрестныхъ сосѣдей появлялся Кшиштопорскій. Вскорѣ мнѣ донесли, что у него съ моей женой началась переписка. Дѣло осложнилось, надо было принимать мѣры. Поѣхалъ я къ старому Галлару, но нѣ-

мецъ и въ усь себѣ не дулъ, отнесся ко мнѣ отчасти шутливо, отчасти съ недовѣріемъ, какъ бы забывая должное къ дворянину почтеніе. Жена его тоже обратила дѣло въ шутку. Я, разумѣется, не каменный и сдѣлалъ сцену, послѣ которой мои отношенія къ старикамъ обострились. Наконецъ, однажды возвращаюсь домой—жены нѣтъ. Гдѣ?—Въ Сандомірѣ. А ужъ этотъ Сандоміръ у меня въ горлѣ сидѣлъ. Уѣхать безъ спроса, безъ моего вѣдома! Это мнѣ очень не понравилось, но ничего нельзя было сказать, такъ какъ она уѣхала къ своимъ родителямъ. Я отправился за ней. Старики приняли меня холодно и къ женѣ не допустили. Тутъ же вертѣлся Кшиштопорскій. Это меня взорвало. Тутъ я не на шутку взялъ за бока родителей, а того бездѣльника со скандаломъ выгналъ. Жену, однако, со мной не отпустили, и я уѣхалъ домой, гдѣ оставалась моя дочь. Тѣмъ не менѣе меня не покидала надежда, что Констанція успокоится и вернется; но прошелъ мѣсяць—другой, и, наконецъ, до меня дошли слухи, что въ консисторіи они хлопчутъ о разводѣ. Мнѣ стало грустно и вмѣстѣ стыдно. Я снова къ ней, но, увы! она даже не пожелала видѣться со мной. Вскорѣ всѣмъ стало извѣстно, что старый Галларъ не на шутку началъ бракоразводный процессъ и въ этомъ дѣлѣ игралъ главную роль Кшиштопорскій. Но что тутъ долго говорить! Volens-nolens, я согласился на разводъ, и мы разстались. Моя бывшая супруга, долго не думая, тотчасъ вышла замужъ за своего Кшиштопорскаго. Но этимъ дѣло не кончилось. Констанція, вѣроятно, по наущенію милаго супруга, пожелала отнять у меня имѣніе, на основаніи хранившагося у нея документа, выданнаго мной передъ нашей свадьбой и составленнаго въ формѣ запродажи. Начался процессъ и результатъ его былъ для меня неблагопріятный. Обстоятельства ухудшились и единственнымъ для меня утѣшеніемъ осталась моя добрая дочь; друзья, какъ очень часто бываетъ въ бѣдѣ, куда-то исчезли. Кшиштопорскій, отнявъ жену, лишивъ имѣнія, все еще не успокоился, и старался чернить меня, гдѣ только могъ. Этого я уже не въ состояніи былъ стрепѣть—и снова вызвалъ его на поединокъ. Послѣ долгихъ увертокъ, Кшиштопорскій принялъ вызовъ. Но, увы, въ этотъ разъ рука моя отъ волненія дро-

жала и кончилось тѣмъ, что онъ меня ранилъ. Я отлежался, поправился и на оставшіяся средства кое-какъ ушелъ съ своей дочерью, которая ужъ подростала. Да, не хорошо мнѣ отплатила Констанція за столь горячую любовь, но все еще по отношенію къ ней у меня оставалось доброе чувство, какъ къ матери моего ребенка. Спустя нѣкоторое время, до меня дошли вести, что и она несчастлива. Богъ наказалъ ее за меня. Кшиштопорскій сначала былъ добрымъ мужемъ, но потомъ сталъ грубо относиться къ ней. Несмотря на то, что я много претерпѣлъ изъ-за этой женщины, но, узнавъ объ ея несчастіи, искренно пожалѣлъ ее. Сосѣди одинъ за другимъ рассказывали о грустной судьбѣ госпожи Кшиштопорской. Меня это очень волновало, потому, какъ бы тамъ ни было, она была моей женой и привязанность къ ней не угасла во мнѣ. Я долго раздумывалъ, не зная что дѣлать; наконецъ, кто то сообщилъ, что Кшиштопорскій не выпускаетъ жену изъ дому и держитъ блѣдную женщину подъ замкомъ, точно въ тюрьмѣ. Тутъ мое терпѣніе лопнуло. Я собралъ людей, пригласилъ нѣкоторыхъ родственниковъ, мы хорошо вооружились и ночью отправились въ имѣніе Кшиштопорскаго. Около пятнадцати лѣтъ я не видалъ Констанціи, и, однако, когда я подъѣзжалъ къ дому, сердце у меня билось, какъ въ былые дни. Въ домѣ было темно и тихо. Мы обошли весь дворъ; всѣ спали и только въ одной комнатѣ наверху виднѣлся слабый мигающій свѣтъ. Одинъ изъ сопровождавшихъ насъ людей зналъ, въ какой комнатѣ помѣщался Кшиштопорскій и прямо повелъ насъ къ нему. Но передъ тѣмъ, какъ войти, мы безъ церемоніи связали челядь. При видѣ насъ Кшиштопорскій быстро поднялся съ постели, на которой спалъ, и снялъ висѣвшую на стѣнѣ саблю, но мы моментально обезоружили его. Тогда, направивъ на него пистолетъ, я спросилъ его, что онъ сдѣлалъ съ своей женой, и гдѣ она находится. Кшиштопорскій поблѣднѣлъ, молча опустилъ голову и волей-неволей повелъ насъ къ женѣ. Она была заперта наверху въ маленькой комнаткѣ. Открылась дверь, и я увидѣлъ ее блѣдную, измученную, съ распущенными волосами, сидѣвшую на голомъ полу. Волоса у меня стали дыбомъ... Кшиштопорскій жестоко поступилъ съ матерью своего сына,

такъ какъ черезъ годъ послѣ свадьбы она родила ему наследника. Разными ухищреніями онъ завладѣлъ имѣніемъ, а затѣмъ, вѣроятно, опасаясь ея кокетства съ другими, заперъ ее въ эту комнату. Констанція, при видѣ постороннихъ, сначала испугалась и не узнала меня. Я сказалъ ей, что пришелъ ее защитить и унижить подлаго притѣснителя. Она взглянула на меня, и, заливаясь слезами, упала къ моимъ ногамъ. Долго она не могла прійти въ себя и наконецъ воскликнула:

— Спаситель мой! я не достойна тебя и виновна, страшно виновна! Богъ меня наказалъ, но мнѣ еще надо покаяться во многихъ грѣхахъ. Я великая грѣшница и не достойна жить съ моими дѣтьми. Въ этой неволѣ Богъ просвѣтилъ меня, и я благодарю тебя за то, что ты освобождаешь меня и даешь возможность остатокъ жизни провести въ покаяніи....

— Куда хочешь идти? — спросилъ я съ грустью.

— Туда, гдѣ меня будетъ видѣть одинъ лишь Богъ, — отвѣчала она. — Но прежде позвольте мнѣ, хотя недостойной, проститься съ моимъ ребенкомъ.

Мы прошли съ ней въ спальню, гдѣ находился ея сынъ, котораго она со слезами покрыла горячими поцѣлуями и набожно перекрестила, благословляя его. Затѣмъ Констанція еще разъ упала къ моимъ ногамъ, прося прощенія, и, вымоливъ у меня обѣщаніе никогда болѣе не разыскивать ее, въ ту-же ночь скрылась.

— Что-же съ ней случилось потомъ? — спросилъ пріоръ.

— Съ того времени я ее совсѣмъ не видалъ, — сказалъ шляхтичъ, — но здѣсь еще не конецъ исторіи. Когда мы уходили отъ Кшиштопорскаго, онъ былъ страшно взбѣшенъ, не могъ владѣть собой, ругалъ меня и наконецъ довелъ до того, что я принужденъ былъ нѣсколько разъ ударить его саблей плашмя. Въ непродолжительномъ времени умеръ его единственный сынъ, послѣ чего Кшиштопорскій сталъ преслѣдовать меня съ еще большой яростью. Моя дочь была уже взрослой дѣвушкой и мнѣ хотѣлось выдать ее замужъ за одного честнаго молодого человека, но Кшиштопорскій и тутъ помѣшалъ, пустивъ въ ходъ всевозможныя недостойныя средства. Прошелъ, кажется, годъ съ небольшимъ и дочь моя вышла замужъ за другого. Преслѣдованія, однако, не прекратились. Дѣло въ томъ, что я

скрывалъ отъ дочери исторію ея матери, не желая, конечно, отравить ей жизнь, и всегда говорилъ, что мать умерла. Кшиштопорскій, вѣроятно, объ этомъ освѣдомленный, написалъ письмо, въ которомъ обрисовалъ все происшедшее въ извращенномъ видѣ, и послалъ его бѣдной женщинѣ какъ разъ въ то время, когда она, родивъ дочь, лежала еще больная. Прочитавъ письмо, дочь моя сильно расхваралась и умерла. И вотъ изъ всѣхъ близкихъ осталась у меня одна только эта внучка и..

Приоръ внимательно слушавшій рассказъ старика, внезапно былъ прерванъ громомъ орудій, но прежде, чѣмъ удалиться, онъ пожалъ руку шляхтичу и сказалъ:

— Богъ долго ждетъ покаянія, а мы обязаны вѣрить въ Его справедливость. Можно чувствовать горечь въ сердце, но не надо ненавидѣть. Дурной человекъ болѣе достоинъ состраданія, нежели гнѣва. А для всѣхъ ранъ души одно только лѣкарство — молитва.

Кордецкій поднялся и благословивъ спавшую въ слѣдующей комнатѣ утомленную дорогой дѣвочку, быстро направился къ стѣнамъ.

XV.

Между тѣмъ, шведы, выгнанные пожаромъ изъ монастырскаго хутора, искали новыхъ становищъ и вмѣстѣ съ тѣмъ готовились къ штурму. Отрядъ подъ начальствомъ Вейгарда, расположившійся недалеко отъ сожженного хутора, съ бывшей частью остального войска отошелъ въ сторону, окружая гору съ юга на сѣверо-востокъ. У церкви св. Варвары остались только князь Гески и полковникъ Садовскій, выстроившіеся почти возлѣ самыхъ развалинъ. Миллеръ послѣ вчерашняго осмотра замка сообразилъ, а, быть можетъ, и узналъ отъ лазутчиковъ, что сѣверная сторона и сѣверо-восточная части стѣнъ были слабѣе другихъ частей, что и было въ дѣйствительности. Недалеко отъ маленькой часовни Спасителя онъ рѣшилъ поставить редуты для своихъ батарей. Съ этой стороны ясно выдѣлялась деревянная крыша монастыря, и Миллеръ надѣялся легко зажечь ее нѣсколькими, удачно направленными бомбами. На поспѣшно сдѣланные насыпи втащили орудія, поставили

ихъ на лафеты и немедленно открыли огонь. Градъ ядеръ посыпался на монастырь. Генераль съ улыбкой сказалъ, что это онъ привѣтствуетъ монаховъ «съ добрымъ утромъ». Стоящій возлѣ него Вейгардъ не переставалъ утверждать, что надо только немного попугать, и монастырь тотчасъ капитулируетъ. Калининъ поддакивалъ графу, а Садовскій молча улыбался, пожимая плечами.

Звонъ колоколовъ, призывавшій къ молитвѣ, раздался какъ разъ въ то время, когда ядра и пули, вслѣдствіе неточнаго прицѣла, со свистомъ пронесли надъ монастыремъ, почти не причинивъ ему никакого вреда. Какое-то заблудившееся небольшое ядро попало во внутренній валъ и слегка зарылось въ землю. Стоящій на стражѣ солдатъ вынулъ его и показалъ окружающимъ.

Въ свою очередь съ ясногорскихъ стѣнъ раздали въ отвѣтъ пушечные выстрѣлы. Войска генерала Миллера, не смутившись вчерашними потерями, бодро направились съ восточной стороны на сѣверную, строясь и готовясь къ штурму. Первый ловко направленный въ ту сторону выстрѣлъ заставилъ ихъ на время остановиться. Издали было видно, какъ шведы смѣшались и поспѣшно стали отступать за развалины сожженной деревни. Тамъ еще оставалось нѣсколько уцѣлѣвшихъ отъ пожара домовъ, и Миллеръ приказалъ воспользоваться ими, какъ готовыми прикрытіями. Генераль Миллеръ самъ занялъ одинъ изъ домовъ, откуда поминутно посылались ординарцы съ приказами.

Замойскій, увидавъ, что шведы занимаютъ болѣе отдаленные уцѣлѣвшіе дома и, очевидно, приготавливаются въ нихъ расположиться, поспѣшно сказалъ канонирамъ:

— Направить мортиры на тѣ строенія и немедленно открыть огонь... Наблюдайте за правильностью прицѣла... Мы должны ихъ сжечь...

Стоявшій возлѣ Замойскаго пріоръ ничего не возразилъ, но видно было, что ему тяжело.

— Воля Божья! — прошепталъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, — воля Божья!

Шведамъ дали время подойти къ домамъ въ большемъ числѣ, и когда было замѣчено, что они тамъ уже расположились, съ монастырскихъ стѣнъ грянули выстрѣлы.

Бомбы свое дѣло сдѣлали, и тотчасъ начался пожаръ. Пламя быстро охватило соломенные кровли строеній, изъ которыхъ то и дѣло выбѣгали непріятельскіе солдаты. Иные изъ нихъ, второпяхъ не успѣли захватить ружей и зарядовъ, которые вскорѣ отъ соприкосновенія съ огнемъ воспламенились и начали разрываться, рани и убивая окружающихъ. Шведы въ паническомъ страхѣ разсѣялись въ разныхъ направленіяхъ, иные изъ нихъ, окончательно потерявъ голову, бѣжали къ монастырскимъ стѣнамъ, гдѣ, разумѣется, гибли отъ пуль защитниковъ Ясной Горы. Миллеръ былъ напуганъ и взбѣшенъ. Послышались призывные звуки трубы; шведскіе солдаты то и дѣло мелькали по уступамъ горы, поспѣшно спускаясь внизъ къ ея подножію.

— Слава Богу, — сказалъ Замойскій, — нашъ планъ увѣнчался успѣхомъ, непріатели вытѣснены изъ строеній и понесли большія потери. Для начала и это хорошо; смѣло могу сказать, что я распоряжался, какъ слѣдуетъ.

И онъ съ довольной улыбкой повернулся къ пріору, но выраженіе лица священника было грустное.

— Что-же, ваше высокопреподобіе, вы какъ будто и не радуетесь нашему успѣху.

— Развѣ успѣхъ въ дѣлѣ уничтоженія можетъ радовать священника? — возразилъ Кордецкій. — Необходимость только заставляетъ насъ быть солдатами, а видъ столькихъ людей, умершихъ въ злобѣ, грѣхѣ, безъ покаянія, можетъ лишь меня печалить.

— На то война, — сказалъ Замойскій, — но если вы намѣрены такъ оплакивать каждую потерю непріателя...

Онъ не успѣлъ докончить, такъ какъ вниманіе ихъ обоихъ было невольно привлечено интересной и необыкновенной сценой. Изъ крѣпостного рва, точно привидѣніе, показалась худощавая, покрытая лохмотьями женщина. Со смѣхомъ привѣтствовала она шведовъ, посылая имъ воздушные поцѣлуи и какъ-бы приглашая ихъ въ монастырь.

— А вѣдь это наша нищая, — сказалъ пріоръ. — Странно, что она и не подумала передъ нашествіемъ шведовъ скрыться въ монастырь и, какъ видно, ничего не боится.

Констанція, на глазахъ всѣхъ, смѣло и медленно напра-

вилась вдоль сѣверной части стѣны, часто наклоняясь къ землѣ, какъ бы что-то собирая. Снаряды шведовъ, хотя и не всегда достигали стѣны, но все же довольно часто падали то тутъ, то тамъ, высоко взрывая камни и песокъ. Старуха сняла съ плечъ платокъ и, весело напѣвая, начала подбирать пули.

Замойскій остолбенѣлъ.

— Вотъ намъ примѣръ,—сказалъ онъ въ изумленіи.— Ну, какъ же намъ послѣ этого хвалиться своимъ мужествомъ! Да у нея одной болѣе вѣры и мужества, нежели у насъ всѣхъ. Смотрите, какъ она смѣло и спокойно идетъ и собираетъ; даже шведы не могутъ прійти въ себя отъ удивленія.

Въ глазахъ Кордецкаго были слезы, сердце его усиленно билось.

— Столь-же неустрашимыми, столь-же мужественными и твердыми мы должны быть всѣ,—сказалъ онъ торжественно.

XVI.

Миллеръ, недолго насладившись своей позиціей, принужденъ былъ отступить, и приказалъ разбить шатры немного далѣе, внѣ обстрѣливаемой линіи. Въ лицѣ его отражались гнѣвъ и униженіе, тѣмъ болѣе сильное, что такой энергичный отпоръ онъ получилъ не отъ сильнаго, могучаго противника, а отъ монаховъ, въ дѣйствіяхъ которыхъ нельзя было не признать осторожности, опытности, знанія и отваги. Его проницательный противникъ пользовался каждой оплошностью, каждой ошибкой, а понесенныя жертвы ясно показывали, что монастырь рѣшилъ защищаться до послѣдней крайности. Генералъ нервно ходилъ и ворчалъ. Вейгардъ, завлекшій его подъ стѣны Ченстохова, теперь уже не показывался. Въ ярости Миллеръ посылалъ къ нему ординарцевъ, но все какъ-то случалось, что то его не находили, то онъ сказывался больнымъ. Наконецъ графъ, не находя уже никакихъ отговорокъ, долженъ былъ явиться. Генералъ встрѣтилъ Вейгарда упреками.

— Видите,—злобно сказалъ онъ,—здѣсь дѣло вовсе не шуточное. Наши противники, очевидно, готовятся къ отчаянной защитѣ; мы теряемъ время и людей.

— Положительно не понимаю, — мягко замѣтилъ графъ. — Мнѣ достовѣрно извѣстно, что долго защищаться они не могутъ; просто притворяются, желая обезпечить себѣ болѣе выгодныя условія капитуляціи...

— Хорошо притворство! — воскликнулъ Миллеръ, — и, какъ результатъ желательныхъ переговоровъ, изрядное количество убитыхъ. Вотъ взгляните, какова картина.

— Случайность, простая случайность, — отвѣтилъ Вейгардъ.

— Случайность? А сожженіе хутора? а сожженіе этихъ строеній? а вотъ тѣ убитые? Это все, по-вашему, случайность?

— Но, повторяю, генераль, монахи не въ состояніи оказать намъ продолжительное сопротивленіе, — воскликнулъ Вейгардъ. — Вѣдь у нихъ нѣтъ настоящаго войска, а гарнизонъ въ числѣ какихъ-нибудь ста пятидесяти человѣкъ безъ опытныхъ предводителей не устоитъ противъ отряда, состоящаго изъ десяти тысячъ старыхъ, закаленныхъ въ бою солдатъ, да еще подъ вашимъ начальствомъ. Сегодня они употребили послѣднія усилія, сдѣлали, что могли; отчасти тутъ имъ помогъ случай, отчасти наша неосторожность, — вотъ и все.

Миллеръ съ гнѣвомъ махнулъ рукой.

— Это такъ продолжаться не можетъ, — проговорилъ онъ, тяжело дыша, — надо кончать.

— Совершенно справедливо, генераль, надо кончать; пусть Калининскій ѣдетъ въ монастырь и начнетъ переговоры.

Миллеръ указалъ Калининскому на монастырь.

— Отправляйтесь, полковникъ, — сказалъ онъ, — только живо и поскорѣ доставьте мнѣ отъ монаховъ условія капитуляціи, не то я разнесу монастырь въ пухъ и прахъ.

Калинскому вовсе не нравились свистящія вокругъ монастыря пули, какъ шведскія, такъ и ясногорскія; онъ сдѣлалъ довольно кислую фізіономію, хотя въ мѣстѣ съ тѣмъ ему было лестно играть роль политика и посла. Но Миллеръ отговорокъ не любилъ, и надо было повиноваться.

Калинскій сѣлъ на коня, послалъ впередъ, шаговъ на двѣсти, двухъ солдатъ, изъ которыхъ одинъ былъ съ бѣлымъ парламентерскимъ знаменемъ, а другой былъ трубачъ, и объѣхавъ часовню св. Іакова, осторожно приблизился къ воротамъ. Вкругомъ свистали пули, такъ какъ въ монастырѣ не сразу

замѣтили парламентарскій знакъ, и почтенный полковникъ въ эти минуты не совѣмъ хорошо себя чувствовалъ.

Калинскій былъ человѣкъ слабый, безхарактерный, но вмѣстѣ съ тѣмъ гордый, честолюбивый, хотя послѣднія качества какъ-то странно уживались въ немъ съ низкопоклонничествомъ и лживостью; а для переговоровъ шведамъ и нуженъ былъ такой человѣкъ.

На призывъ трубы изъ монастыря черезъ ровъ перебросили нѣсколько досокъ, по которымъ полковникъ прошелъ въ узкій проходъ, гдѣ ему завязали глаза и черезъ нѣсколько минутъ проводили въ залу, называвшуюся «definitorium».

Когда съ глазъ Калинскаго упала повязка, онъ прямо передъ собой у противоположной стѣны увидалъ крестъ съ изображеніемъ Христа и образъ Богоматери. Пріоръ сидѣлъ въ креслѣ, монахи на скамьяхъ, а кругомъ стояли вооруженные шляхтичи. Въ такой обстановкѣ смущенный полковникъ казался чѣмъ-то въ родѣ обвиняемаго, котораго только что призвали на судъ. Впрочемъ, черезъ минуту онъ успокоился, оправился и съ сладкой улыбкой привѣтствовалъ собраніе.

Въ отвѣтъ на привѣтствіе послѣдовалъ общій поклонъ присутствующихъ настолько вѣжливый, что, пожалуй, можно было усомниться въ его искренности.

— Вотъ уже второй разъ я прихожу къ вамъ,—проговорилъ Калинскій,—прихожу, дорогіе отцы, съ добрымъ, искреннимъ совѣтомъ. Неужели вы думаете, что намъ, полякамъ, легко держать сторону шведовъ? Мы поступаемъ такъ исключительно ради вашего блага. Наше присутствіе здѣсь, такъ дорого намъ стоящее, является охраной отъ ужасныхъ послѣдствій, которыя васъ ожидаютъ при столкновеніи съ шведами; если-бы мы не были въ данномъ случаѣ, такъ сказать, посредниками, если-бы насъ не было....

— Но позвольте, господинъ полковникъ, въ чемъ дѣло?—холодно прервалъ эту чувствительную рѣчь Кордецкій.

— Да о чемъ-же я говорю, если не о скорѣйшей сдачѣ монастыря,—ласково и какъ бы съ глубокимъ чувствомъ произнесъ Калинскій.—Умоляю васъ, во имя всего святаго, не подвергайте себя великой опасности. Ну, возможно-ли съ гарнизономъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ противится такой силѣ?!.. Сжальтесь

надъ собой и постарайтесь хладнокровно взглянуть на то, что вы дѣлаете. Развѣ вамъ не извѣстенъ Миллеръ? Неужели вы не имѣете понятія о могуществѣ короля Карла-Густава... и развѣ вы сомнѣваетесь въ томъ, что уже вся Польша присягнула ему въ вѣрности?

— О, не вся, господинъ полковникъ, — возмутился Кордецкій, — и дастъ Богъ очень многіе изъ тѣхъ, что такъ поспѣшно и такъ легкомысленно ему присягнули, всѣ эти теперешніе яко-бы его подданные вернутся на путь долга.

Калинскій невольно покраснѣлъ, но черезъ минуту, какъ будто эти слова не относились къ нему, спокойно продолжалъ:

— Неужели вы не знаете генерала Миллера? Это одинъ изъ самыхъ опытныхъ, талантливыхъ, энергичныхъ полководцевъ. Поступая съ нимъ ласково, вы смѣло можете ожидать отъ него мягкаго и добраго къ вамъ отношенія, такъ какъ онъ вѣрный другъ поляковъ.

Замойскій невольно расхохотался.

— Эта дружба, — замѣтилъ онъ, — очевидна и не требуетъ доказательствъ. Возы генерала Миллера переполнены польскими деньгами и драгоценностями, что, конечно, объясняется слишкомъ горячею любовью къ намъ и вполне естественнымъ желаніемъ брать отовсюду у своихъ друзей что нибудь на память...

— Это клевета! совершеннѣйшая клевета! — возразилъ полковникъ, — въ этомъ виновны солдаты, а не полководецъ.

— За солдатъ всегда отвѣчаетъ полководецъ, — добавилъ Замойскій.

— Что дѣлать — война, время такое! — не смущаясь продолжалъ Калинскій. — Повторяю, Миллеръ — великій вождь. Онъ старается охранить Польшу отъ разныхъ нашествій, ибо такова воля нашего милостиваго монарха Карла-Густава. Генералъ Миллеръ желаетъ укрѣпиться на границѣ съ Силезіей и принужденъ обстоятельствами занять Ченстоховъ, единственно для блага всей нашей страны. Сдача монастыря неминуема. Если вы подчинитесь добровольно, вы можете рассчитывать на милость короля, въ противномъ случаѣ, васъ постигнетъ жестокое наказаніе. Если мы его раздражимъ...

— Не отождествляйте себя съ нами, господинъ полков-

никъ,—перервалъ Кордецкій,—благоволите говорить о насъ въ отдѣльности.

Какъ будто не разслышавъ, Калининскій продолжалъ:

— Если же вы его раздражите, онъ окажется строгимъ, неумолимымъ и будетъ мстить огнемъ и мечомъ. *Parsere subjectis, sed debellare superbos* (прощать побѣжденныхъ, но сокрушать гордыхъ)—это военное правило—и его не мѣшаетъ запомнить. Вѣрьте мнѣ, достойные отцы, что нельзя терять ни одной минуты.

Терпѣливо выслушавъ всю рѣчь, пріоръ мягко спросилъ:

— Скажите пожалуйста, господинъ полковникъ, по какому праву произведено было нападеніе на Ченстоховъ и откуда послѣдовалъ такой приказъ?

— Какъ?—воскликнулъ Калининскій съ изумленіемъ,—вы еще спрашиваете по какому праву...

— Для насъ непонятно это нападеніе. Насколько намъ извѣстно, король шведовъ,—добавилъ пріоръ съ особеннымъ удареніемъ на послѣднемъ словѣ,—не только не далъ такого приказа, но даже желалъ нашего спокойствія и полнѣйшей безопасности, а что я говорю правду, то, въ доказательство справедливости моихъ словъ, представляю вамъ вотъ эту бумагу. Не угодно-ли вамъ будетъ ее прочесть.

Говоря это, Кордецкій передалъ полковнику бумагу съ большой печатью Карла-Густава.

— Что это такое? что это?—воскликнулъ удивленный Калининскій, дрожащими отъ волненія руками развертывая данную ему бумагу.

Это было письмо Карла-Густава, помѣченное тридцатымъ сентября, данное въ Казимірѣ подъ Краковымъ и гарантирующее Ченстохову полную безопасность отъ нападеній шведскихъ войскъ.

— Генералу Миллеру навѣрно потомъ были посланы другіе приказы.

— Но мы о нихъ не знаемъ,—возразилъ пріоръ,—и съ своей стороны думаемъ, что позднѣйшіе приказы не могутъ быть въ противорѣчій съ даннымъ намъ Карломъ-Густавомъ обѣщаніемъ, а потому намъ приходится считать Миллера простымъ, обыкновеннымъ разбойникомъ.

Полковникъ съ досадою крикнулъ:

— Таковъ, значить, будетъ вашъ отвѣтъ?

— Иного не будетъ и быть не можетъ, — отвѣтилъ съ твердостью настоятель.

— Въ такомъ случаѣ, — воскликнулъ Калининъ, — пошлите къ Миллеру своихъ монаховъ, потому что я самъ такого отвѣта передать ему не могу.

— Отцы, кто изъ васъ согласенъ пойти къ генералу? — спросилъ Кордецкій, обращаясь къ окружающимъ монахамъ.

Почти всѣ присутствующіе выказали готовность исполнить порученіе. Пріоръ выбралъ о. Марцелія и о. Игнатія, и тѣ немедленно отправились въ шведскій лагерь.

Калинскій, видя, что съ монахами ничего не подѣлаешь, съ нескрываеомой досадою удалился.

— Вскорѣ мы явимся сюда при иныхъ условіяхъ, — гордо сказалъ онъ, сильно хлопнувъ дверью.

Лишь только въ непріятельскомъ лагерѣ замѣтили бѣлыя рясы монаховъ, какъ Миллеръ, выстраивавшій въ то время свои войска, съ гордостью обратился къ стоявшему возлѣ него Вейгарду:

— Наконецъ-то, — сказалъ онъ, — идутъ, опомнились почтенные отцы.

Вейгардъ только улыбнулся.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ, генераль; долго сопротивляться они даже не думаютъ и не могутъ думать. Это ясно, какъ день.

Навстрѣчу посламъ тотчасъ отправили нѣсколькихъ солдатъ, и вскорѣ о. Марцелій и о. Игнатій стояли передъ начальникомъ шведовъ, который принялъ монаховъ, сидя на березовомъ пнѣ, покрытомъ ковромъ съ польскими гербами.

— Ну, что скажете? — спросилъ генераль, смотря на пословъ ободорящимъ взглядомъ.

— Мы пришли, — отвѣтилъ о. Марцелій, — выразить вашему превосходительству наше удивленіе: мы не можемъ понять, что означаетъ первое и второе нашествіе на нашъ монастырь, вопреки ясно выраженной волѣ его величества короля шведовъ, котораго письма гарантируютъ намъ спокойствіе и полнѣйшую безопасность. Въ виду вышеизложеннаго, мы не мо-

жемъ признать васъ начальникомъ шведскихъ войскъ, такъ какъ вы поступаете противно высочайшему приказу, а тѣмъ менѣе входить съ вами въ переговоры. Принимая же во вниманіе...

Но не успѣлъ окончить этихъ словъ о. Марцелій, какъ Миллеръ, какъ ужаленный, вскочилъ съ сидѣнья.

— Это что такое?—крикнулъ онъ. — Вы осмѣливаетесь мнѣ сказать, что не желаете вступать со мной въ переговоры, что не признаете меня вождемъ шведскихъ войскъ! Знайте, что власть моя ничѣмъ не ограничена, что съ бунтовщиками я могу расправляться и наказывать ихъ, какъ мнѣ угодно, и что, если бы я васъ обоихъ приказалъ повѣсить вотъ на этой самой осинѣ, то и въ такомъ случаѣ не подвергся бы ни малѣйшей отвѣтственности.

— Генералъ,—возразилъ о. Марцелій,—мы далеко не бунтовщики и вовсе не желаемъ васъ раздражать, но данный вопросъ требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія и осторожности. Мы предъявляемъ вамъ охранную грамоту, въ которой ясно выражена воля вашего монарха...

— А я развѣ не являюсь для васъ достойнымъ довѣрія выразителемъ таковой воли?—воскликнулъ онъ съ гнѣвомъ.

Монахи умолкли, генералъ со злостью отвернулся отъ нихъ, и сказалъ:

— Можете идти, но предупреждаю, что я не оставляю здѣсь камня на камнѣ, а ваши языческія святыни не охранять ни себя, ни васъ отъ монхъ орудій. Прочь!

Простившись такимъ образомъ съ послами, онъ накинута на Вейгарда.

— Слышали, графъ?—крикнулъ Миллеръ,—вы слышали дерзкую рѣчь этихъ бритыхъ поповъ? Я долженъ передъ ними объясняться, я долженъ оправдываться въ своихъ дѣйствіяхъ! Какъ это вамъ кажется? Это не монахи и вовсе не боязливые старцы, какими вы изволили ихъ обрисовать, они далеко не выжившіе изъ ума изувѣры, но пронырливые, хитрые шарлатаны и плуты!..

Почти тотчасъ послѣ этихъ переговоровъ съ обѣихъ сторонъ начался огонь. Быть можетъ, вслѣдствіе поспѣшности или неудачно взятыхъ прицѣловъ, но снаряды шведовъ во все время

производившейся бомбардировки рѣдко долетали до ясногорскихъ стѣнъ и укрѣпленій, причиняя имъ самыя незначительныя поврежденія, между тѣмъ какъ осажденные, хотя и не имѣли въ своемъ распоряженіи особенно опытныхъ артиллеристовъ, тѣмъ не менѣе рѣдко давали промахъ, и почти вслѣдъ за каждымъ выстрѣломъ вырывали изъ непріятельскихъ рядовъ значительное количество солдатъ.

Дѣло уже близилось къ вечеру, когда генераль, накричавшись до хрипоты и изругавъ всѣхъ, кто только подвернулся ему на глаза, велѣлъ искать въ своемъ походномъ архивѣ королевскаго приказа, въ силу котораго ему предписывалось занять Ченстоховъ, Болеславицы, Кшеницы и Велюнь.

Приказъ былъ найденъ и хотя не былъ по какой-то причинѣ отмѣненъ послѣдующими распоряженіями, но тѣмъ не менѣе онъ былъ данъ гораздо ранѣе врученной монастырю охранной грамоты, чему помимо разности въ числахъ, могло служить прямымъ доказательствомъ то, что шведы уже занимали Кшеницы и Велюнь.

Несмотря на это, Миллеръ рѣшилъ воспользоваться найденнымъ документомъ, и, по обыкновенію, отправилъ въ монастырь поляка кавалерійскаго офицера, нѣкоего Куклиновскаго, съ письмомъ и добытымъ старымъ приказомъ. Тотъ сначала хотѣлъ подъ разными предлогами уклониться отъ чести быть посломъ, но всѣ отговорки, оправданія не привели ни къ чему, и надо было ѣхать.

ХVII.

Была уже ночь, когда письмо это попало въ руки Кордецкаго. Онъ сидѣлъ въ своей кельѣ съ нѣсколькими монахами, Замойскимъ, Чернецкимъ и Малаховскимъ, бесѣдуя съ присутствующими о минувшемъ днѣ.

Послушникъ Рудницкій принесъ письмо и ввелъ Куклиновскаго, котораго за позднимъ временемъ просили обождать въ монастырѣ до утра.

— Ну, посмотримъ, что намъ пишетъ генераль? — медленно распечатывая, сказалъ Кордецкій.

— Любопытно, — добавилъ Замойскій, — но какъ-бы онъ

тамъ ни пѣль, я все же ему не довѣряю. Что я вижу!— вскрикнулъ онъ, окинувъ взглядомъ бумагу. — Да вѣдь это формальный приказъ короля занять Ченстоховъ. А не говорилъ-ли я вамъ, отче, что не надо было подымать этой исторіи; вотъ они воспользовались нашимъ оружіемъ и сбили съ позиціи. Честное слово, сбили! Взгляните, ясно, какъ день, «занять Ченстоховъ!» Ну, что мы теперь станемъ дѣлать?

Бѣсъ, казалось, были очень озабочены; одинъ только пріоръ улыбался.

— Ничего, ничего,—сказалъ онъ спокойно.

— Вы смѣтаете, отче, а это не хорошо, такъ какъ не можете же вы отрицать того, что мы теперь въ чрезвычайно щекотливомъ положеніи.

— Нисколько, мой другъ.

— Какимъ же образомъ? Вы говорите шведамъ, что у нихъ нѣтъ королевскаго приказа занять Ченстоховъ, а они вотъ теперь представляютъ приказъ, да еще собственноручный.

— Совершенно вѣрно!—замѣтилъ Чернецкій.—Конечно, мое дѣло сражаться, но все же думаю, что возиться съ переговорами не стоитъ. Лучше всего въ отвѣтъ на каждое письмо открывать огонь. Пословъ не впускать, такъ какъ все это лазутчики. Оставить въ покоѣ всякія разглагольствованія и бить... Таковъ мой совѣтъ.

— Отчего же намъ не пользоваться и такими средствами?—спросилъ Кордецкий.—Благодаря имъ, быть можетъ, прольется меньше крови.

— Да... но они насъ побѣдятъ этими хитростями. Письмо опасная вещь...

— Нѣтъ, господа, при помощи Бога, мы и этого не устали.

— Но, напримѣръ, въ данномъ случаѣ, представленный аргументъ непреоборимъ. Какъ съ нимъ справиться?

— Очень легко.

— Не знаю, какъ другіе, но я здѣсь пасую и не вижу никакого выхода,—съ поклономъ сказалъ Замойскій.

— А между тѣмъ, вопросъ разрѣшается очень просто и ясно,—съ улыбкой проговорилъ настоятель, указывая на карту.—Ченстоховъ—это городъ; Ченстоховъ, имѣйте въ виду, а

не монастырь, который, какъ вамъ должно быть извѣстно, всегда и вездѣ называется Ясной-Горой и во всемъ свѣтѣ извѣстенъ подъ названіемъ Clarus mons (Ясная-Гора). Слѣдовательно, пусть Миллеръ, если ему угодно, занимаетъ Ченстоховъ, ну, а Ясной Горы мы ему не дадимъ.

Всѣ радостно и съ удивленіемъ переглянулись.

— Отлично, великолепно, отче! Пошлемъ сейчасъ нашъ отвѣтъ.

— Обождите. Чего намъ спѣшить? — возразилъ Кордецкій. — Теперь ночь, а для насъ хорошо выиграть хотя бы нѣсколько часовъ; завтра, да и то попозже, мы пошлемъ Миллеру письмо. Намъ каждый часъ долженъ быть дорогъ, такъ какъ, при данныхъ обстоятельствахъ, каждая минута оплачивается человеческой жизнью.

Присутствующіе съ уваженіемъ взглянули на пріора и никто ни однимъ словомъ не возразилъ ему.

— А теперь, — добавилъ Кордецкій, — пойдемте-ка на стѣны и ободримъ солдатъ.

Сказавъ это, онъ накинулъ свой плащъ и вышелъ изъ кельи, направляясь, вмѣстѣ съ своими друзьями, къ сѣверной части стѣны.

Всѣ пушки уже молчали, а изъ сильно нагрѣтыхъ огнемъ жерлъ выходилъ слабый дымъ, покрывая ихъ легкой мглою. Возлѣ орудій находились артиллеристы; иные, утомленные дневными трудами, спали, другіе молились, а нѣкоторые подкрѣпляли себя скромнымъ ужинкомъ, оживляя его тихой бесѣдой о минувшей бомбардировкѣ. Миллеръ, несмотря на всѣ усилія, не успѣлъ сдѣлать ни одного пролома даже въ самой слабой сѣверной части крѣпостной стѣны. Потери въ людяхъ гарнизонъ понесъ за это время совершенно ничтожныя, въ особенности въ сравненіи съ потерями непріятеля, а потому настроеніе духа защитниковъ было бодрое, веселое. Настоятель, проходя мимо ѣдущающихъ солдатъ, въ одномъ мѣстѣ невольно остановился, услышавъ смѣхъ и шутки столпившихся у бастіона людей. Оказалось, что Констанція, взобравшись на стѣну, кидала солдатамъ подобранныя днемъ шведскія пули.

Пріоръ съ улыбкой подошелъ ближе и сказалъ:

— Берите, берите, всякое даваніе благо, пули всегда при-

годятся; кто знаетъ, какъ долго продлится осада, запасъ не помѣшается.

— А какъ же ты на стѣну взобралась? — спросилъ Замойскій.

— Одинъ Богъ объ этомъ вѣдаетъ, — отвѣчалъ за нее Кордецкій, — но плохо то, что она невольно можетъ указать непріятелю дорогу.

— Не бойтесь, не бойтесь; шведъ сюда не влѣзетъ, — сказала Костуха. — Это моя хата, мой уголъ, а я его сумѣю защитить. Взобраться сюда только я одна могу. Видите, братъ Павелъ не хотѣлъ меня впустить въ ворота, такъ какъ было поздно; ну, а мнѣ надо было непременно отдать солдатамъ то, что я собрала... Спокойной ночи, господа, мнѣ тоже надо отдохнуть послѣ трудовъ; спокойной ночи! Шведы спятъ — тес... не надо будить лиха, пока оно спитъ.

Черезъ минуту она исчезла.

XVIII.

На другой день былъ праздникъ. Въ разукрашенной церкви происходило торжественное молебствіе. Кордецкій самъ служилъ предъ алтаремъ Богоматери, и какъ всегда, съ величайшимъ одушевленіемъ, которое неотразимо передавалось всѣмъ молящимся.

Стѣны величественнаго собора дрожали отъ пѣнья, музыки и звона колоколовъ.

Непріятель почему-то не начиналъ канонаду. Отецъ Янъ сказалъ съ амвона прекрасную проповѣдь, которая растрогала всѣхъ слушателей и ободрила болѣе слабыхъ духомъ защитниковъ.

Затѣмъ, Кордецкій взялъ съ алтаря св. Дары, и, сопровождаемый громадною толпою молящихся, направился къ выходу. Процессія съ торжественнымъ пѣніемъ, при звукахъ музыки и звонѣ колоколовъ, направилось вдоль крѣпостныхъ стѣнъ.

Шведы съ изумленіемъ глядѣли на это непонятное для нихъ зрѣлище, пораженные спокойствіемъ и глубокой вѣрой мужественныхъ защитниковъ. Какое-то странное чувство, похожее на тревогу, невольно овладѣвало сердцами непріятелей.

Послѣ вчерашней ожесточенной бомбардировки, этотъ подъемъ духа и необыкновенная экзальтація заключали въ себѣ нѣчто могучее, импонирующее. Въ лагерѣ присоединившихся къ шведамъ поляковъ эта торжественная процессія вызвала тяжелое настроеніе. Всѣ они съ непокрытыми головами стояли въ глубокомъ молчаніи, терзаемые упреками пробуждающейся совѣсти, чуя присутствіе Бога на этихъ древнихъ священныхъ стѣнахъ. Ихъ руки, запятнанныя поднятымъ на святыню оружіемъ, бессильно опустились. Они не въ состояніи были ни молиться, ни осѣнить себя крестнымъ знаменемъ и въ доносившемся вѣннѣ гимна имъ слышались грозныя проклятья. Время отъ времени долетавшія до нихъ кощунственные насмѣшки шведовъ страшно задѣвали поляковъ. Они теперь видѣли кому протянули руку, кому помогали и противъ кого; въ душѣ ихъ проснулось сознаніе того, что они легкомысленно предали родину врагамъ и посягнули на самое драгоцѣнное для человѣка сокровище—на свою вѣру.

Кто-бы взглянулъ тогда на поляковъ, на ихъ поблѣднѣвшія лица, на ихъ сверкающіе огнемъ глаза, тотъ безъ труда угадалъ-бы, что настоящій союзъ ихъ со шведами не будетъ продолжителенъ.

Въ самой формѣ религіозныхъ обрядовъ обнаруживался антагонизмъ между этими искусственно связанными, но не сросшимися въ одинъ организмъ народами. Даже Вейгардъ, хотя не полякъ, но все же католикъ, былъ шокированъ неприличными шутками своихъ друзей и чувствовалъ себя не хорошо; въ звонѣ колоколовъ, въ пѣніи простой, но чрезвычайно трогательной молитвы, ему слышались горкіе упреки.

Миллеръ тоже смотрѣлъ, но не позволялъ себѣ шутить, изъ страха передъ чарами монаховъ, такъ какъ эта процессія, проходившая вдоль стѣнъ замка, казалась ему таинственной, страшной мистеріей. Онъ отворачивалъ голову, закрывалъ глаза, выказывая нетерпѣніе и отчасти безпокойство.

— Эти монахи подъ предлогомъ молебствія слишкомъ долго заставляютъ меня ждать, — воскликнулъ онъ, наконецъ, съ нетерпѣніемъ. — Они, кажется, доведутъ меня до того, что я прикажу стрѣлять по ихъ хоругвямъ и языческимъ образамъ. Когда же я дождусь отъ нихъ отвѣта? А вы, если не ошибаюсь,

католикъ?—съ насмѣшливой улыбкой обратился генераль къ Вейгарду. — Скажите, пожалуйста, долго это еще продлится?

— Окончится около полудня, — коротко отвѣтилъ графъ.

Но вотъ и полдень наступилъ, а пѣніе и звонъ колоколовъ все еще не прекращались.

Въ это самое время къ толпѣ, слѣдовавшей за процессіей присоединился старый Лассота съ внучкой. Шагахъ въ десяти отъ него шелъ высокій старый шляхтичъ, съ мрачнымъ, суровымъ лицомъ, выражавшимъ силу и непоколебимую волю. Движенія его были порывистыя, беспокойныя. Во всей фегурѣ старика, въ энергичныхъ чертахъ лица, въ глубокихъ избороздившихъ его морщинахъ видѣлись слѣды страстно и бурно проведенной жизни. Одной рукой онъ держался за бортъ кунтуша, въ другой несъ мѣховую шапку съ большимъ перомъ. Тяжелая сабля, низко спущенная, звонко бречала, ударяясь о камни. Выраженіе глазъ его было холодное, жестокое.

Лицо слѣдовавшаго за процессіей Лассоты было покрыто болѣзненнымъ румянцемъ и взволновано, и хотя онъ еще не видѣлъ своего врага, но точно инстинктивно чувствовалъ его присутствіе въ окружающей толпѣ. Старецъ хотѣлъ молиться, но молитва замирала на его устахъ; при каждомъ прикосновеніи, при каждомъ шелестѣ, онъ невольно вздрагивалъ, поворачивалъ свою сѣдую голову и тревожно озирался. Ганна поддерживала своего дѣда и громко пѣла гимнъ, будто желая звуками собственнаго голоса заглушить въ себѣ какую-то мысль и забыть ее.

Кшиштопорскій равнодушно смотрѣлъ на толпу, разсѣянно переводя глаза съ одного лица на другое, точно мысли его были не здѣсь, а витали гдѣ-то далеко, быть можетъ, въ бурномъ, полномъ событій прошломъ. Внезапно въ глазахъ его сверкнулъ мрачный огонь, голова немного склонилась на плечо, блѣдныя губы конвульсивно задрожали. Кшиштопорскій опустилъ руку на эфесъ сабли, быстро двинулся впередъ и вдругъ остановился. Но толпа нахлынула на него и унесла съ собой. Онъ шелъ, но теперь уже иначе; какимъ-то неровнымъ шагомъ, будто его что-то гнало и вмѣстѣ съ тѣмъ удерживало. Глаза высокаго шляхтича были направлены въ одно мѣсто и не

могли оторваться от него. Онъ увидѣлъ Лассоту, а съ нимъ его ребенка, его утѣшеніе и надежду! У него никого не было, жизнь его была безъ просвѣта, полная мрачныхъ, страшныхъ воспоминаній, между тѣмъ какъ этотъ заклятый врагъ имѣлъ возлѣ себя близкое, дорогое существо.

Въ сердцѣ Кшиштопорскаго загорѣлась злоба, мысль о мести промелькнула въ головѣ, но взоръ невольно остановился на Св. Дарахъ, на этой эмблемѣ великой тайны. Быть можетъ, впервые въ его душѣ зашевелилось что-то непонятное, изъ рукъ выскользнула сабля, взоръ поникъ, изъ груди вырвался глубокий вздохъ. Въ волненіи онъ остановился, толпа напирала на него, взоръ его снова остановился на Святыхъ Дарахъ; Кшиштопорскій въ эту минуту счелъ себя святотатцемъ, идя съ чувствомъ мести за Тѣмъ, Который нѣкогда все простилъ своимъ жестокимъ палачамъ. Но это сознаніе явилось на одно мгновеніе, какъ лучъ солнца въ пасмурный зимній день, и Кшиштопорскій опять запылалъ гнѣвомъ, снова схватилъ оружіе, снова во мрачномъ взорѣ его загорѣлась страшная жажда мести, и онъ повернулся лицомъ къ своему врагу, какъ бы желая однимъ взглядомъ уничтожить того. И казалось, что въ ту-же минуту больной старецъ почувствовалъ могучую силу страшнаго взгляда; онъ задрожалъ, остановился, обернулся и взоры враговъ встрѣтились. Въ этотъ краткій моментъ съ удесятеленной силой проснулась ихъ многолѣтняя вражда и въ устремленныхъ другъ на друга глазахъ отразилась такая великая ненависть, точно вся жизнь, со всѣми ея страстями, поглотилась и вылилась въ одномъ этомъ страшномъ чувствѣ.

Послѣ ужасной, безмолвной борьбы, они какъ-бы совершенно обезсильли. Кшиштопорскій стоялъ, какъ вкопанный; Лассота, понуждаемый внучкой, двинулся дальше, шепча машинально молитву, хотя истерзанное сердце еще не совсѣмъ проникалось ею, но все же онъ первый простилъ врага, во имя Бога. Никто не замѣтилъ этой минутной страшной драмы или, вѣрнѣе сказать, почти никто, такъ какъ свидѣтельница ея была только старая нищая. Ее впустили въ монастырь на молебствіе и теперь въ ея лицѣ было необыкновенное выраженіе. Печальный, беспокойный взоръ Констанціи случайно устремился на этихъ двухъ людей и теперь уже безпрестанно возвращался къ нимъ.

Она шла и смотрѣла то съ состраданіемъ, то со страхомъ попеременно то на старца, то на Кшиштопорскаго. При взглядѣ на Ганну, въ выраженіи лица Констанціи проявлялась необыкновенная нѣжность. Дойдя до паперти, она остановилась какъ разъ въ ту минуту, когда враги узнали другъ друга и обмѣнялись этимъ страшнымъ взглядомъ. Констанція задрожала и отвернулась, понявъ, что происходило въ ихъ душѣ. Дальше она уже не пошла, и, прислонившись къ стѣнѣ, съ волненіемъ начала молиться.

Когда всѣ ушли изъ собора, старуха перекрестилась, поднялась на паперть и направилась въ одинъ изъ придѣловъ храма, гдѣ упала ницъ предъ образомъ Богоматери. Такъ пролежала она до тѣхъ поръ, пока церковь не была заперта.

Между тѣмъ, генераль Миллеръ съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта изъ монастыря и страшно злился. Прошло еще нѣсколько времени, и наконецъ ему вручили письмо отъ настоятеля. Намъ извѣстенъ его отвѣтъ. Вейгардъ, замѣтивъ монаха, поспѣшилъ къ Миллеру, въ ожиданіи успѣшнаго окончанія переговоровъ, и началъ генералу читать письмо. Услышавъ отвѣтъ пріора, Миллеръ вскочилъ, какъ ужаленный. Онъ не могъ понять проявляемаго монахами спокойствія, увѣренности и отваги предъ лицомъ угрожающей опасности, которой они, казалось, вовсе не желали замѣчать.

— Это безумцы! — воскликнулъ онъ.

— Нѣтъ, это только монахи, — замѣтилъ Вейгардъ. — Если бы у нихъ былъ хотя одинъ настоящій солдатъ, онъ объяснилъ бы имъ, что имъ угрожаетъ, такъ какъ, очевидно, почтенные отцы не сознаютъ опасности.

Въ своемъ посланіи Кордецкій являлся теперь уже въ новой для него роли священника-дипломата. Ловко лавируя въ предложенныхъ ему вопросахъ, онъ закончивалъ письмо слѣдующими словами: «Наше дѣло не выбирать королей, но твердо хранить присягу, данную уже назначеннымъ отъ Бога монахамъ, и молиться за нихъ».

— О! это уже что-то новое, — проговорилъ генераль, — они, оказывается, не признаютъ нашего короля, бунтовщики!

— «Избраннымъ», — читалъ Вейгардъ, прикусивъ губу, — мы оказываемъ безпрекословное послушаніе. Что же касается

даннаго вопроса, то намъ извѣстно содержаніе приказа его величества короля шведовъ, но такъ какъ у насъ имѣется вполне достаточный гарнизонъ для того, чтобы отразить всякія самовольныя нашествія...»

— Самовольныя нашествія! съ яростью крикнулъ Миллеръ. — Это они меня и васъ такъ угощаютъ! — Впрочемъ, продолжайте...

Когда Вейгардъ дошелъ до того мѣста, гдѣ настоятель отдѣлялъ Ченстоховъ отъ Ясной-Горы, Миллеръ разсвирѣпѣлъ, сталъ отчаянно ругаться и не далъ докончить письма.

— Скажи хитрымъ монахамъ, — обратился онъ къ посланному, что я ихъ уничтожу и обращу въ пепелъ весь этотъ курятникъ.

Проговоривъ это, Миллеръ тотчасъ сѣлъ на коня, приготовляясь со всѣми имѣющимися въ его распоряженіи силами обрушиться на монастырь.

XIX.

Это былъ страшный день для осажденныхъ.

Кордецкій послѣ молебствія немедленно отправился на стѣны и самъ съ воодушевленіемъ руководилъ обороной. Замоискій, Чарнецкій и другіе признали въ пріорѣ настоящаго гетмана. Это былъ уже другой человекъ, могучая духовная сила котораго проявлялась во всѣхъ дѣйствіяхъ, оказывая неотразимое вліяніе на окружающихъ. Старые, опытные воины, несмотря на свое самолюбіе, принуждены были безпрекословно подчиняться его приказаніямъ. Свѣтлый умъ Кордецкаго сразу охватилъ новое дѣло во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, а горячая вѣра и мужество явились той животворящей силой, которая подчасъ дѣлаетъ положительно чудеса.

Шведы еще не успѣли закончить начатыя редуты, подъ защитой которыхъ Миллеръ надѣялся съ большимъ успѣхомъ бомбардировать монастырь въ самомъ слабомъ пунктѣ, надѣясь удачными выстрѣлами зажечь деревянную кровлю, какъ уже на крышахъ всѣхъ строеній стояли люди, имѣя наготовѣ воду, багры и смоченный войлокъ. Все это заранѣе было приготовлено Кордецкимъ.

Замойскому поручена была охрана башни и съ прилегающей къ ней половиной сѣверной части стѣны; Чарнецкій начальствовалъ надъ людьми, поставленными въ сѣверо-восточной сторонѣ; Мошинскій принялъ команду надъ солдатами, расположенными на восточной части стѣны; Скожевскій и Кшиштопорскій обороняли съ юга и юго-востока. Кругомъ на монастырскихъ стѣнахъ видѣлись готовые къ бою ратные люди. Подростки, женщины, священники сами носили къ орудіямъ ядра, втаскивали камни и бревна. Въ сторожевыхъ башняхъ воины поспѣшно надѣвали латы, кольчуги, осматривали мушкеты, пищали; отовсюду слышалось бряцанье оружія.

Въ это самое время, по приказу настоятеля, для ободренія защитниковъ, на колокольный оркестръ заигралъ старинный военный гимнъ.

Солдаты, услышавъ знакомую трогательную мелодію, съ увлеченіемъ стали пѣть хоромъ и звуки величественнаго гимна понеслись въ станъ присоединившихся къ шведамъ поляковъ, которые теперь были недостойны его и не могли ему вторить.

— Все готово, — воскликнулъ Кордецкій, — но не наше дѣло начинать, обождемъ первыхъ непріятельскихъ выстрѣловъ, ибо надо помнить, что мы только защищаемся.

Ратные люди молча стояли на своихъ мѣстахъ и ждали.

Въ лагерѣ шведовъ происходило большое движеніе. Трубы, литавры, барабаны призывали солдатъ подъ знамена, адъютанты и ординарцы мчались съ приказаніями къ выступающимъ на позицію отрядамъ; въ недавно сдѣланныхъ редутахъ направляли на монастырь орудія. Миллеръ, окруженный полковниками, вмѣстѣ съ княземъ Гесскимъ, Садовскимъ и Вейгардомъ, стоялъ на холмѣ и смотрѣлъ.

Пять сооруженныхъ ночью редутовъ угрожали Ясной Горѣ: первый находился противъ самаго монастыря; второй съ четырьмя орудіями подходилъ къ мѣстечку Ченстохову; третій, самый большой, съ восемью орудіями былъ расположенъ среди первыхъ двухъ; послѣдніе находились: одинъ у церкви святой Варвары, другой — на западной сторонѣ.

Страшна была для защитниковъ минута ожиданія. Кордецкій ободрялъ солдатъ, обращаясь къ ихъ чувству чести и пат-

ріотизма, и, наконецъ, ставъ на колѣни у одного изъ бастіоновъ, началъ молитву: «Ave Maria!»

На колокольніѣ слышались звуки торжественнаго гимна, уносившіеся въ вышину, какъ-бы къ престолу Бога.

Но вотъ въ редуцахъ изъ пушечныхъ жерлъ мелькнулъ огонь, а затѣмъ раздался страшный гулъ, раскатистымъ эхомъ пронесшійся по окрестностямъ. Непріятельскіе шанцы заволокло дымомъ, а ядра, гранаты и бомбы со свистомъ и шипѣніемъ полетѣли на монастырь.

— Теперь, во имя Бога,—воскликнулъ пріоръ,—открыть огонь!

Въ ту-же минуту дружнымъ залпомъ грянули Ясногорскія пушки. Отовсюду къ стѣнамъ собирались ратные люди, такъ какъ шведская пѣхота, послѣ выдержаннаго залпа, двинулась на штурмъ. На крышахъ нѣкоторыхъ монастырскихъ зданій показался огонь, но стоявшіе наготовѣ сторожа тотчасъ потушили его. Пули летѣли градомъ, но или не долетали, или, плохо направленные, перелетали, почти не причиняя вреда.

Пріоръ съ крестомъ обходилъ стѣны, утѣшая робкихъ, благословляя мужественныхъ.

Ясногорскіе артиллеристы, между прочимъ, довольно удачно обстрѣливали редуты шведовъ, а другіе защитники энергично отражали штурмующія колонны, поражая непріятеля выстрѣлами изъ мушкетовъ и крѣпостныхъ пищалей.

Среди этого шума неустрашимая Констанція спокойно прогуливалась вдоль стѣнъ, собирая зарывавшіяся въ землю пули. Нѣсколько разъ солдаты стрѣляли въ нее, но по какой-то странной случайности каждый разъ давали промахъ. Она медленно шла впередъ, останавливалась, возвращалась, не обращая вниманія на пролетавшія надъ ней съ шипѣніемъ и свистомъ снаряды.

Ярость шведовъ, раздраженныхъ сопротивленіемъ этой горсти защитниковъ, доходила до апогея. Лишь только, хотя бы на минуту, стихали выстрѣлы, какъ съ колоколни снова доносились звуки гимна и эти звуки еще болѣе раздражали враговъ. Музыка во время боя казалась имъ насмѣшкой и издѣвательствомъ.

Миллеръ, сердитый, разгоряченный, посылалъ приказъ за

приказомъ, удивляясь тому, что бомбы до сихъ поръ не зажгли монастырь. Онъ отчаянно ругалъ пушкарей, мѣнялъ ихъ чуть ли не каждая четверть часа, ссорился съ Вейгардомъ, но все было напрасно. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ блеснулъ было желанный огонь, но, еле показавшись, тотчасъ гаснулъ, и только пороховой дымъ облаками окружалъ твердыню. Шведы гибли отъ мѣткихъ выстрѣловъ защитниковъ Ченстохова и каждая атака шведовъ была отбита съ значительнымъ для нихъ урономъ.

Такъ время прошло до вечера среди пущечнаго гула, треска разрывающихся бомбъ, крика штурмующихъ, стога раненыхъ и звуковъ доносившейся съ колокольни музыки. Миллеръ приказывалъ чаще стрѣлять, Кордецкий отвѣчалъ ему рѣже, но безъ перерыва. Всѣ находившіеся въ монастырѣ охотно и умѣло исполняли возложенныя на нихъ обязанности. Шляхтичи стояли на назначенныхъ мѣстахъ, съ непоколебимымъ рвеніемъ руководя обороной, и только больные, старцы, женщины и дѣти остались въ домахъ, вознося молитвы къ Всевышнему. Монахи, не имѣвшіе опредѣленныхъ обязанностей въ дѣлѣ обороны, аккуратно отправляли богослуженіе въ установленныя для этого часы. Хоръ ихъ голосовъ часто сливался съ отголосками недалеко кипѣвшаго боя и оглушительной канонадой, отъ которой сотрисались стѣны и окна собора. Время отъ времени то разорвавшаяся поблизости граната, то трескъ ломающихся стропилъ, то призывы сторожей, замѣтившихъ произведенный упавшей бомбой пожаръ, то плескъ воды нарушали монотонное пѣніе благочестивыхъ монаховъ. Кордецкий, по обыкновенію, успѣвалъ быть всюду: на молитвѣ съ братіей и на стѣнахъ съ солдатами; казалось, онъ раздвигался. Голосъ его звучалъ вездѣ, спокойное лицо его видѣлось то въ соборѣ, то въ облакахъ порохового дыма. Въ иныя только минуты онъ погружался въ глубокую задумчивость, какъ-бы пророческимъ взоромъ проникая въ грядущее, какъ-бы предвидя въ немъ еще болѣе ужасныя бѣдствія. Силой воли Кордецкий старался отогнать отъ себя эти роковыя грозныя видѣнія и снова становился монахомъ-вождемъ, снова съ проникательностью и хладнокровіемъ закаленного въ бояхъ полководца отдавалъ приказы, снова возбуждалъ мужество въ окружающихъ, снова руководилъ.

Съ наступленіемъ ночи сраженіе постепенно прекратилось. Шведы, увѣренные въ своемъ превосходствѣ и силахъ, желали отдохнуть, а защитники, въ свою очередь, не менѣе ихъ нуждавшіеся въ отдыхѣ, ласкали себя надеждой, что, быть можетъ, завтра непріятель будетъ менѣе настойчивъ послѣ полученнаго отпора.

Лагерь еще шумѣлъ, какъ удаляющаяся буря. Между шведскими вождами произошло нѣкоторое недоразумѣніе. Миллеръ въ душѣ во всемъ обвинялъ Вейгарда, который уговорилъ его идти на этотъ, какъ онъ называлъ, курятникъ. Генералъ уже видѣлъ, что съ монахами не такъ-то легко справиться, какъ это казалось сначала, но ему было стыдно отступить. Онъ надѣялся очень скоро взять монастырь, воспользоваться его богатствами и затѣмъ вернуться, а, между тѣмъ, оказалось, что тутъ безъ правильной, продолжительной осады дѣло не обойдется. Истекшій день показалъ Миллеру, что съ его орудіями врядъ-ли удастся разрушить эту твердыню, обороняемую столь мужественными защитниками. Вейгардъ, преслѣдуемый выговорами, избѣгалъ генерала, который очень недружелюбно на него поглядывалъ. Садовскій, молча исполнялъ все, что ему поручалось, хотя безъ особеннаго рвенія, но всегда точно. Калининскій попрежнему льстилъ Вейгарду, но на всякій случай старался заслужить вниманіе Миллера и быть всегда готовымъ къ его услугамъ.

Генералъ былъ постоянно въ прескверномъ настроеніи духа, такъ какъ приходилось жить въ шатрѣ, ѣсть, что попало, пить плохое вино, часто мокнуть подъ дождемъ, а самое худшее—бороться съ монахами, да притомъ еще неудачно. Сейчасъ же послѣ окончанія штурма, онъ послалъ гонца къ начальнику экспедиціоннаго корпуса съ просьбой доставить болѣе крупныя осадныя орудія. Вейгардъ напрасно пытался доказать, что дѣло обойдется безъ нихъ. Вечеръ въ шатрѣ прошелъ скучно, несмотря на то, что все время чара ходила въ круговую и несмотря на усилія графа развеселить какъ Миллера, такъ и все общество.

— Немного терпѣнія, генералъ, — сказалъ, наконецъ, Вейгардъ, задѣтый за живое постоянными выговорами. — Я говорилъ и повторяю, что это долго продолжаться не можетъ и монахи

на колѣняхъ будутъ просить прощенія. Впрочемъ, мы найдемъ способъ ускорить сдачу.

— Да, когда намъ доставятъ болѣе крупныя орудія.

— И безъ этихъ орудій обойдемся, — съ значительнымъ видомъ возразилъ графъ, — вотъ увидите.

— Безъ орудій? — спросилъ Миллеръ. — А интересно знать, что же ихъ замѣнить?

— Существуютъ разные способы веденія войны, — таинственно сказалъ чехъ.

— Напримѣръ? — спросилъ Кшеницкій губернаторъ Горнъ, не любившій Вейгарда, — напримѣръ, графъ? Благоволите научить насъ, повѣдайте, что это за способы?..

— Мнѣ нѣтъ надобности ихъ высчитывать, — возразилъ Вейгардъ. — Кажется, всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что воюють не только мечемъ да пулей.

Миллеръ махнулъ рукой и насмѣшливо расхохотался.

— Вы всегда намъ обѣщаете золотыя горы, которыя въ дѣйствительности оказываются скользкими и скалистыми, какъ, напримѣръ, здѣсь. Я уже теперь вамъ не вѣрю; Ченстоховъ совершенно иной оказалась вблизи.

Вейгардъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, обратился съ чѣмъ-то къ Калинскому, взглянулъ на часы, и вскорѣ оба ушли отъ Миллера и направились къ одному изъ своихъ шатровъ. Когда они остались наединѣ, графъ приблизился къ полковнику и тихо спросилъ:

— Ну, какъ? идетъ?

— Медленно, какъ обыкновенно въ началѣ.

— Давайте мнѣ скорѣе этого нѣмца; я съ нимъ разговорюсь.

— Въ такомъ случаѣ, я пошлю за нимъ.

Калинскій хлопнулъ въ ладоши, вошелъ слуга, котораго полковникъ тотчасъ куда-то отправилъ, прошептавъ нѣсколько словъ на ухо.

Вейгардъ былъ въ большомъ нетерпѣннѣ. Спустя немного, въ шатеръ медленно вошелъ маленькаго роста неказистый челоуѣкъ, съ широкимъ, какъ у татарина лицомъ, выраженіе котораго было непріятное и даже отталкивающее.

Графъ внимательно поглядѣлъ на него и обратился по-нѣмецки:

— Кто ты?

— Я нѣмецъ, родомъ изъ Пруссіи, нахожусь на службѣ у его величества короля шведовъ и состою въ отрядѣ князя Гесскаго. Всегда готовъ быть къ вашимъ услугамъ, господинъ полковникъ.

— Какъ звать тебя?

— Натанъ Пурбахъ.

— Къ какому роду оружія принадлежишь?

— Я пѣхотинецъ.

— Такъ ты берешься привлечь на нашу сторону главнаго монастырскаго пушкаря?

— Я говорилъ полковнику, — указывая на Калининскаго, отвѣтилъ нѣмецъ, — что могу попытаться. Въ замкѣ въ артиллеріи служить мой родственникъ, Вахлеръ; мнѣ извѣстно, что ему не нравится быть среди поляковъ, а потому, можно будетъ съ нимъ поговорить...

— Какимъ образомъ ты можешь съ нимъ видѣться?

— Какимъ образомъ? — сказалъ, улыбаясь Пурбахъ. — Я этого еще самъ не знаю. Вѣроятно, надо будетъ ночью подкрасться къ стѣнѣ, Вахлеръ находится при орудіяхъ; ночи темныя, и я отчасти знаю, въ какой сторонѣ его искать.

— Ты, вѣроятно, нуждаешься въ деньгахъ? — спросилъ Вейгардъ.

— А развѣ можно безъ нихъ что-нибудь сдѣлать? — отвѣтилъ нѣмецъ, пожавъ плечами.

— Попытайся, — сказалъ графъ, приблизившись къ солдату и вручивъ ему нѣсколько талеровъ, — и немедленно сообщи о результатѣ, о нашемъ же разговорѣ ни старшимъ офицерамъ, ни князю Гесскому ни слова! Ты получишь хорошую награду. Пусть Вахлеръ такъ направляетъ орудія, чтобы онѣ не причиняли намъ никакого вреда; затѣмъ, пусть откроетъ, въ какомъ мѣстѣ стѣны и укрѣпленія слабѣе и съ какой стороны черезъ потайную дверь насъ можно впустить въ монастырь? Въ случаѣ, если-бы ему не удалось уговорить гарнизонъ сдаться, то онъ долженъ заклепать орудія и бѣжать къ намъ... Ну, а теперь иди и поскорѣе возвращайся.

Пурбахъ съ жадностью поглядѣлъ на деньги, аккуратно положилъ ихъ въ карманъ, кивнулъ нѣсколько разъ головой, и, выйдя изъ шатра, исчезъ въ темнотѣ.

90

XX.

Лишь только разсвѣло, какъ шведы снова начали канонаду, осыпая монастырь ядрами и гранатами. Кордецкій отвѣтилъ усиленнымъ, энергичнымъ огнемъ. Защитники бодро и съ рвеніемъ принялись за дѣло. Одинъ только Вахлеръ небрежно относился къ своей обязанности, плохо наводилъ свои орудія и довольно рѣдко стрѣлялъ.

Когда онъ замѣчалъ, что за нимъ наблюдаютъ, то еще кое-какъ работалъ, но лишь только Вахлеръ оставался одинъ, какъ тотчасъ закуривалъ свою трубку и преспокойно отдыхалъ. Замойскій, надзиравшій за стрѣльбой, обратилъ вниманіе на такое странное поведеніе нѣмца и нѣсколько разъ прикрикнулъ на него. Благодаря небрежности Вахлера, огонь съ этой стороны очень мало вредилъ непріятелю, но зато въ другихъ мѣстахъ дѣло шло гораздо лучше. Тамъ шведы все чаще и чаще принуждены были мѣнять позиціи и укрываться въ построенныхъ редутахъ.

Въ монастырѣ, осынаемомъ градомъ ядеръ, особенныхъ поврежденій не замѣчалось и уронъ въ людяхъ былъ самый незначительный. Пресвятая Дѣва какъ бы охраняла своихъ защитниковъ и какъ бы уничтожала силу летящихъ снарядовъ. Несмотря на всѣ усилія, шведамъ и сегодня не удалось произвести пожара.

Многія ядра перелетали черезъ стѣны, другія, упавъ во дворъ монастыря и скользя въдоль стѣнъ нѣкоторыхъ строеній, зарывались въ землю. Одно ядро рикошетомъ попало въ домъ нѣкоей госпожи Ярошевской, и, проникнувъ въ комнату, гдѣ спалъ ея ребенокъ, ударило въ печку и откатилось къ люлькѣ, не причинивъ ребенку никакого вреда.

При видѣ столь великой милости Божьей, счастливая мать взяла свое дитя на руки, поспѣшила въ церковь, и, опустив-

пись на колѣни предъ образомъ Богоматери, вознесла горячую благодарственную молитву за чудесное спасеніе.

Защитниками овладѣлъ энтузіазмъ, и вѣра, воодушевлявшая ихъ благороднаго вождя, проникла въ ихъ души и точно окружила какимъ-то ореоломъ.

Кордецкій все время былъ на стѣнахъ и уходилъ съ нихъ только для молитвы.

Уже смеркалось, когда стоящій у воротъ братъ Павелъ услышалъ знакомый голосъ нищей Констанціи.

— Ну, что ты скажешь? — спросилъ онъ добродушно.

— Ничего особеннаго, только прошу меня впустить въ въ монастырь. Мнѣ хочется помолиться Пресвятой Богородицѣ. Пустите меня, надобно уже мнѣ по цѣлымъ днямъ бродить среди этого гула и треска, а за это я вамъ заплачу собранными пулями и расскажу кое-что о шведахъ; долго засиживаться у васъ не могу, мнѣ надо охранять свою башню, такъ какъ я теперь уже воинъ.

Замѣтивъ черезъ маленькое въ стѣнѣ отверстие, что она одна, братъ Павелъ съ улыбкой впустилъ старушку и тотчасъ крѣпко закрылъ ворота. Констанція поклонилась ему, и, выбросивъ принесенныя пули, направилась въ церковь. Черезъ нѣсколько минутъ она вышла оттуда съ взволнованнымъ лицомъ и двинулась вдоль стѣнъ, точно чего-то разыскивая. Стоявшій на своемъ посту Кшиштопорскій грозно окликнулъ ее:

— Кто ты такая и куда идешь?

При звукѣ этого голоса старуха остановилась и задрожала.

— Чего ты подкрадываешься и прячешься? — спросилъ начальникъ.

— Иду возлѣ стѣны, потому что должна опираться, — отвѣтила старуха.

Въ эту минуту кто-то изъ защитниковъ заявилъ, что она извѣстна всѣмъ, и Кшиштопорскій отвернулся отъ нея, не задерживая болѣе.

Констанція быстро пошла дальше и хотя была знакома съ расположеніемъ монастыря, однако въ темнотѣ не могла хорошо ориентироваться и попасть туда, куда желала. Она подходила къ окнамъ, къ дверямъ, вслушивалась въ раздававшіеся оттуда голоса, но не находила того, кого ей нужно было. Это ее на-

чанало беспокоить. Внезапно издали показался о. Петръ; старуха съ минуту подумала, а затѣмъ послѣдовала за монахомъ, держась отъ него въ извѣстномъ отдаленіи.

Отецъ Петръ вошелъ къ брату, а нищая прислонилась къ дверямъ квартиры, прикрылась платкомъ и внимательно стала прислушиваться.

Спустя нѣкоторое время, двери раскрылись и на крыльцо вышла Ганна. При видѣ дѣвочки, нищая отступила на шагъ и съ необыкновенной любовью глядѣла на нее. Приблизиться къ дѣвочкѣ она не рѣшалась и дрожащимъ отъ волненія голосомъ медленно проговорила:

— Милое дитя, быть можетъ, я могу тебѣ въ чемъ-нибудь услужить или чѣмъ-нибудь помочь.

— Спасибо тебѣ, старушка, — ласково и съ милой улыбкой отвѣчала Ганна, — мнѣ ничего не нужно; я вышла только потому, что мой дѣдъ о чемъ-то тихо бесѣдуетъ съ о. Петромъ, и мнѣ не хочется имъ мѣшать. А ты, матушка, здѣшняя?

— Здѣшняя, цвѣточекъ ты мой, солнышко ты мое ясное, здѣшняя бѣдная нищая и слуга Пресвятой Богородицы.

— Такъ, можетъ быть, тебѣ денегъ или хлѣба дать?

— О, нѣтъ... нѣтъ! — быстро заговорила старая, но тутъ же поправила и добавила: — да, да... хлѣба, если ты уже такъ добра, мой ангельчикъ, то маленькій кусочекъ хлѣба...

Ганна быстро скрылась и черезъ минуту принесла нищей хлѣба, но когда она приблизилась къ ней, Констанція дрожа схватила руку дѣвочки и съ благодарностью прижала ее къ своимъ губамъ, точно этотъ хлѣбъ давалъ ей жизнь, точно цѣлый годъ она его не ѣла.

Ганна покраснѣла отъ непонятнаго волненія; это внезапное приближеніе нищей, ея слезы, ея чувство совершенно смутили дѣвочку; она ласково освободила свою руку и съ состраданіемъ воскликнула:

— Ахъ! бѣдная, ты была такъ голодна!

— Голодна! голодна! — отвѣтила Констанція, — ты не знаешь, мой ангелъ, что ты мнѣ дала вотъ съ этимъ кускомъ хлѣба: жизнь, утѣшеніе, радость, счастье...

— Какъ! неужели тебя никто не кормить, не жалѣть? — говорила Ганна. — Приходи сюда каждый день, моя бѣдная

старушка, я охотно подѣлюсь съ тобой хлѣбомъ, а за это ты помолишься о душѣ моей матери и попросишь у Бога здоровья моему дѣду.

— Помолюсь, горячо помолюсь!—съ волненіемъ сказала Констанція, опускаясь къ ногамъ дѣвочки и съ величайшей нѣжностью глядя на нее,—буду молиться предъ алтаремъ Пресвятой Дѣвы и вымолю вамъ счастье и покой...

— Дѣдушка мой очень слабъ,—продолжала Ганна,—печалень, часто плачетъ, а тутъ еще постоянный страхъ, постоянная тревога еще болѣе разстраиваютъ его...

— Матерь Божья васъ утѣшитъ.

— Ахъ! меня кажется уже зовутъ,—прошптала дѣвочка, внимательно прислушиваясь.

— Позволишь мнѣ придти завтра?—воскликнула старушка,—позволишь, мой ангелъ? не ради хлѣба, но...

— Хорошо, хорошо, приходи завтра!

Сказавъ это, Ганна исчезла. Констанція прижала полученный кусокъ хлѣба къ груди, начала его цѣловать, затѣмъ быстро спрятала въ суму, какъ бы боясь, чтобы кто-нибудь не отнялъ у нея, и быстро побѣжала въ церковь.

Теперь уже, въ дни штурма, соборъ былъ открытъ день и ночь. Освѣщенъ былъ только главный алтарь, остальная часть храма тонула въ полумракѣ. Слышался шепотъ молящихся, да время отъ времени раздавалось тихое пѣніе нѣсколькихъ монаховъ, подъ аккомпаниментъ органа.

Констанція подошла къ алтарю Пресвятой Дѣвы, перекрестилась, раздѣлила хлѣбъ на двѣ части, изъ которыхъ большую часть положила на ступени алтаря, затѣмъ упала на колѣни и начала горячо молиться. Казалось, въ эту минуту она подѣлилась съ Богомъ своимъ единственнымъ и величайшимъ сокровищемъ.

XXI.

Утромъ шведы начали бомбардировать монастырь изъ всѣхъ построенныхъ редутовъ. Выстрѣлы слѣдовали за выстрѣлами безъ перерыва, поминутно безпокою осажденныхъ.

Съ Ясной Горы въ отвѣтъ посыпались ядра, и вскорѣ стѣны и бастіоны были окутаны пороховымъ дымомъ. Кордецкій послѣ ранней обѣдни вышелъ къ солдатамъ, ободрилъ ихъ и энергично принялся руководить обороной.

Шляхтичи до сихъ поръ съ замѣчательнымъ рвеніемъ относились къ своимъ обязанностямъ и храбро выдерживали непріятельскій огонь. Особенно отличался Замоискій, съ каждымъ днемъ выказывая необыкновенныя способности въ военномъ искусствѣ. Онъ часто обращался къ своимъ подчиненнымъ съ пылкою рѣчью, въ которой призывалъ ихъ къ мужеству и самопожертвованію для блага родины. Чернецкій въ довѣренной ему части тоже дѣйствовалъ хорошо, но съ нѣкотораго времени все чаще и чаще погружался въ глубокую задумчивость. Въ его благородной душѣ загорѣлось страстное желаніе необыкновенныхъ подвиговъ и жертвъ. Быть можетъ, въ этомъ отчасти дѣйствовало честолюбіе и желаніе сравняться съ Замоискимъ, которому онъ, хотя и уступалъ въ знаніи стратегіи, но не уступалъ въ мужествѣ и предпріимчивости. Въ эту минуту Чернецкій что-то обдумывалъ и, казалось, искалъ глазами пріора, котораго наконецъ дождался. Кордецкій какъ разъ вышелъ изъ сосѣдняго бастіона и направлялся къ завѣдываемой имъ части. Онъ поспѣшилъ навстрѣчу къ священнику-вождю и съ веселой улыбкой проговорилъ:

— Привѣтствую нашего дорогого гетмана. Честь имѣю доложить вамъ, что все обстоитъ благополучно и мы бодро стоимъ на посту.

— Да благословитъ васъ Богъ и да пошлетъ Онъ вамъ награду.

— Знаете, ваше высокопреподобіе, я никогда не ждалъ васъ съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ сегодня. Меня мучаетъ одна мысль и я хочу передъ вами исповѣдываться, такъ какъ она, будучи не высказанной, тяготитъ меня, точно грѣхъ.

— Что же это такое, дорогой другъ?—съ улыбкой сказалъ Кордецкій.

— Отойдемъ немного въ сторону, чтобы насъ никто не слышалъ, а затѣмъ прошу вниманія... Вотъ такъ! Теперь начинаю. Шведы, очевидно, смотрятъ на насъ, какъ на какихъ-то байбаковъ, а потому надо ихъ поучить, чтобы они относились

къ намъ иначе и немного побаивались. Вчера, послѣ бомбардировки, я внимательно осмотрѣлъ ихъ лагерь. Шведы не соблюдаютъ никакой предосторожности, относятся къ намъ шутя, и, по всей вѣроятности, не считаютъ ясногорскихъ защитниковъ даже солдатами. Ихъ отряды близко подходятъ къ нашей позиціи, безъ патрулей, безъ кавалерійскихъ разъѣздовъ, не предполагая даже, что могутъ попасть въ засаду или вообще въ какое-нибудь другое, неособенно пріятное положеніе. Богъ, очевидно, ослѣпилъ шведовъ, а намъ, конечно, необходимо этимъ воспользоваться.

— Какимъ образомъ? — спросилъ пріоръ.

— Очень просто. Я собираю охотниковъ, отправляюсь съ ними изъ восточныхъ воротъ, незамѣтно прокрадываюсь черезъ линію аванпостовъ, если только они поставлены, и сзади нападаю на непріятельскій отрядъ, расположенный въ сѣверо-восточной сторонѣ. Прежде, чѣмъ шведы опомнятся отъ неожиданности, мы ихъ разобьемъ... Это не такъ трудно, какъ кажется.

Лицо Кордецкого окрасилось румянцемъ.

— Вотъ такихъ людей намъ надо, — воскликнулъ онъ, простирая къ небу руки, — такой вѣры, такихъ сердецъ и тогда нашъ край никогда не станетъ добычей любого хищнаго завоевателя. Среди сомнѣнія, отчаянія, нравственнаго паденія, какъ цвѣтокъ среди плевелъ, рождаются великіе люди. Идите, господинъ Чарнецкій, во имя Бога идите, но только будьте осторожны, такъ какъ жизнь человѣческая дорога.

— Итакъ вы мнѣ, значить, разрѣшаете сдѣлать вылазку? — съ радостью воскликнулъ шляхтичъ.

— А не посовѣтоваться ли намъ еще съ Замойскимъ? — спросилъ настоятель послѣ минутнаго молчанія.

Чарнецкому это предложеніе отчасти было непріятно, тѣмъ не менѣе онъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Сдѣлайте одолженіе, можемъ посовѣтоваться.

Они отправились къ Замойскому. Тотъ стоялъ возлѣ амбразуры и о чемъ то сосредоточенно раздумывалъ, быть можетъ, приготавливалъ на всякій случай какую нибудь цвѣтистую рѣчь.

— А! навѣрно, у васъ что-нибудь новое, — спросилъ За-

мойскій, взглянувъ на веселыя лица своихъ друзей и здороваясь съ ними.

— Не правда-ли,—началъ Чарнецкій,—шведы насмѣхаются надъ нами, шутятъ, хотятъ насъ попугать, какъ дѣтей, и какъ съ дѣтьми воевать. Вы, вѣроятно, сами неоднократно замѣчали, какъ ночью, отправляясь на покой, они не заботятся объ охранѣ своего лагеря и не оцѣпляють его аванпостами. Слѣдовало-бы поучить шведовъ уму-разуму ночной вылазкой; теперь ночи темныя, непріятель слишкомъ безпеченъ, и у насъ, слава Богу, мужества и умѣнья хватить.

Замойскій отъ радости даже хлопнулъ въ ладоши.

— Вотъ это я понимаю!—сказалъ онъ.—Вы предвосхитили мою мысль. Я самъ думалъ о вылазкѣ, разсматривалъ ее съ точки зрѣнія стратегической, взвѣшивалъ всѣ данныя pro и contra, между тѣмъ, какъ таже мысль родилась въ вашемъ мужественномъ сердцѣ и вы безъ всякихъ мудрствованій тотчасъ приступаете къ ея осуществленію... Планъ великолѣпный! Но съ какой именно стороны мы сдѣлаемъ вылазку?

— Съ восточной,—отвѣтилъ Чарнецкій.—Я обойду отрядъ, расположенный противъ деревни Ченстоховки, и ударю въ тылъ.

— Превосходно! А теперь посовѣтуемся относительно выполнения намѣченнаго плана,—воскликнулъ Замойскій,—обсудимъ подробно, сколько собрать солдатъ, кто будетъ начальствовать...

Но въ эту минуту ихъ прервалъ Кордецкий.

— На вылазку берите только тѣхъ, которые сами пожелаютъ; кого Богъ вдохновить, пусть идетъ, уговаривать не надо. Я приду благословить васъ и буду молиться, чтобы вы вернулись здоровыми и невредимыми, мужественные и достойные нашей дорогой родины.

Немедленно среди грохота выстрѣловъ и звуковъ музыки предводители пошли собирать охотниковъ.

Сначала этотъ планъ собрать нѣсколько десятковъ человекъ и напасть на тысячный непріятельскій отрядъ большинству показался настолько страннымъ, дерзкимъ и опаснымъ, что его приняли съ недовѣріемъ, но Чернецкій не смутился.

— Что за чертъ!—громко сказалъ онъ,—да вѣдь тутъ и опасности-то нѣтъ. Не далѣе, какъ вчера, къ намъ пробрал-

ся Гіацинтъ Бжуханскій и доставилъ въ монастырь вѣсти изъ мѣстечка; такъ почему-же мы не можемъ ночью обойти непріятеля и немного его потрепать? Странно даже сомнѣваться въ успѣхѣхъ. Пойдемъ, хорошенько потревожимъ шведовъ и вернемся обратно. А затѣмъ, кому угодно, прошу за мной.

— Я первый!—подхватилъ Замоискій.

— Нѣтъ, мой другъ,—удержалъ его пріоръ,—двумя начальниками я не могу рисковать; вы должны остаться со мной.

— Какъ? Я долженъ остаться?

— Такъ быть должно!—сказалъ настоятель.

— Это что-же приказъ?

— Да, приказъ.

— Ну, если такъ, то, конечно, я принужденъ подчиниться,—со вздохомъ сожалѣнія,—проговорилъ Замоискій,—но признаться долженъ, что никогда послушаніе не было мнѣ такъ тягостно, какъ въ данномъ случаѣ.

Чарнецкій сверкнулъ глазами и побѣждалъ.

Извѣстіе о предполагающейся вылазкѣ передавалось изъ устъ въ уста и вскорѣ къ Чарнецкому явились многіе съ предложеніемъ своихъ услугъ. Желających принять участие въ ночной экспедиціи набралось болѣе, чѣмъ нужно, а потому пришлось выбрать лучшихъ.

Къ собравшейся толпѣ подошелъ и Янашъ венгерець.

— Возьмите и меня съ собой,—обратился онъ къ Чарнецкому.

— Да вѣдь ты боишься смерти,—замѣтилъ кто-то со сто-

Бояться не боюсь, но это невольное дурацкое безпокойство, вызванное предсказаніемъ, мнѣ уже страшно надоѣло; если суждено мнѣ погибнуть, то чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, а поэтому иду съ вами безъ колебанія.

Настоятель со слезами благословилъ эту горсть храбрецовъ, которые, собравшись во дворѣ, совѣтовались, вооружались, уговаривались среди падающихъ отовсюду шведскихъ ядеръ и треска ломающихся строеній.

Въ приготовленіяхъ къ предстоящей вылазкѣ быстро прошелъ день и участники опасной экспедиціи съ нетерпѣніемъ ждали ночи. Чарнецкій нѣсколько разъ выходилъ изъ стороже-

вой башни, поглядывалъ на небо, и кивалъ головой, точно дѣлалъ выговоръ за то, что оно такъ долго свѣтитъ и не спѣшитъ скрыться за горизонтомъ.

Послѣ полудня, когда Чарнецкій въ раздумьи стоялъ у одного изъ бастіоновъ, внезапно кто-то прикоснулся къ его плечу. Онъ повернулся и увидѣлъ передъ собой старую нищую, привѣтствовавшую его улыбкой и поклономъ.

— Что тебѣ, моя милая?—сказалъ онъ ласково, подымая полу кунтуша съ намѣреніемъ достать кошелекъ съ деньгами.

— Миѣ милостыни не надо, нѣтъ. А вы вотъ что миѣ лучше скажите: правда-ли, что ночью вы желаете напасть на шведовъ?

— Ого! уже даже нищіе знаютъ объ этомъ.

Старушка засмѣялась.

— Я вѣдь слуга Пресвятой Дѣвы и отъ меня вамъ нечего таиться. Вы вотъ послушайте меня: какъ только ночью сойдете въ ровъ, такъ тихонько хлопните въ ладоши три раза и я тотчасъ къ вамъ явлюсь.

— А ты зачѣмъ намъ?

— Увидите! Иногда и маленькій человѣкъ можетъ пригодиться. Я ночую у стѣнъ, днемъ часто бываю въ мѣстечкѣ и каждый разъ идя, какъ туда, такъ и обратно, прохожу черезъ лагерь шведовъ. Я поведу васъ между часовней св. Якова и редутомъ, никто васъ не замѣтитъ и вы ворветесь въ лагерь шведовъ такъ неожиданно, что они не успѣютъ даже опомниться и сообразить, откуда вы нагрянули.

— А вѣдь это славная вылазка, въ которой баба будетъ начальникомъ,—со смѣхомъ сказалъ Чарнецкій.

— Вы можете смѣяться, сколько вамъ угодно, господинъ Чарнецкій,—весело отвѣчала Констанція,—но знайте, что не я, а Богъ васъ поведетъ. Такъ помните-же!

— Я не отказываюсь отъ твоей помощи,—серьезно проговорилъ воинъ, и какъ-бы обращаясь къ кому-то другому прибавилъ:—о, какъ же намъ не бороться, когда даже бѣдняжка, стоя на краю могилы, выказываетъ столько непоколебимаго мужества.

Наступила ночь. Мракъ покрывалъ землю, осенній вѣтеръ время отъ времени глухо завывалъ. Виднѣвшіеся издали костры

отчетливо обозначали расположеніе непріятельскаго лагеря, раскинутого въ разныхъ направленіяхъ. Лишь только кончилась обычная канонада, какъ шведы безпечно стали развлекаться попойкой, пѣніемъ, а затѣмъ, утомившись, легли спать, не подумавъ охранить себя отъ внезапнаго нападенія. Миллеру даже не снилось, чтобы напуганные, по его мнѣнію, монахи съ горстью людей осмѣлились напасть на него въ его собственномъ лагерѣ.

Между тѣмъ нѣсколько десятковъ храбрецовъ, одѣтыхъ въ желѣзные панцыри и стальные кольчуги, вооруженныхъ ружьями, палашами и алебардами, стояло наготовѣ. Они не походили на солдатъ настоящаго времени, подобранныхъ и одѣтыхъ одинаково. Каждый одѣтъ былъ по своему, опаясывался пращадушеиннымъ мечемъ или бралъ оружіе приходившееся ему по рукамъ и которымъ онъ заранѣе учился владѣть, прикрывалъ голову шлемомъ, а грудь латами. На многихъ панцыряхъ блестяли прибитые къ нимъ мѣдные или серебряные кресты, обычное въ то время украшеніе. У иныхъ на шеѣ были металлическія изображенія Божіей Матери, или костяные четки. Эта горсть смѣльчаковъ, освященная нѣсколькими факелами, разнообразно одѣтые и вооруженные, выглядѣла чрезвычайно живописно. Чарнецкій осматривалъ cadaго въ отдѣльности. Онъ велѣлъ не обременять себя излишнимъ вооруженіемъ и взять сабли подъ мышки, чтобы онѣ не бренчали.

Воины уже были готовы къ выступленію, когда Кордецкій подошелъ къ нимъ съ крестомъ.

— Все,—обратился онъ къ собравшимся,—надо начинать съ Бога; помолитесь, братья, и поцѣлуйте этотъ крестъ, за который сражаетесь.

Сказавъ это, Кордецкій поднялъ руки и началъ молиться. Затѣмъ, всѣ, начиная съ Чарнецкаго и кончая послѣднимъ солдатомъ, поцѣловали великій знакъ спасенія, и, спустя нѣсколько минутъ, открылась потойная дверь и лучшіе зацѣтники Ченстохова исчезли въ темнотѣ. Пріоръ молча удалился на стѣны, склонилъ колѣни у амбразуръ и, охваченный какимъ-то необыкновеннымъ экстазомъ, нѣкоторое время былъ чуждъ всему окружающему.

Воины спустились въ ровъ, въ тишинѣ направляясь къ тому мѣсту, откуда было ближе къ лагерю непріятелей.

Едва Чарнецкій хлопнулъ въ ладоши, какъ Констанція уже показалаь впереди съ палкою въ рукѣ и, шепча «Ave Maria», повела воиновъ въ указываемомъ ею направленіи. Впрочемъ, начальникъ не всецѣло полагался на старуху и самъ внимательно осматривалъ окрестности, выискивая самый лучший путь, по которому лучше всего можно было обойти позиціи шведовъ. Шли они такъ навѣрно четверть часа, какъ вдругъ Констанція бросилась на землю, кого-то схватила и тихо позвала на помощь. Всѣ въ ту-же минуту подбѣжали къ ней съ недоумѣніемъ. Какой-то человекъ лежалъ на землѣ и пытался вырваться изъ рукъ Констанціи, которая плотно прикрывала ему ротъ, чтобы онъ не могъ крикнуть. Воины тотчасъ окружили неизвѣстнаго, туго завязали ему толстымъ платкомъ ротъ и бросили въ ровъ, а затѣмъ продолжали путь.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали борьбы. Янашъ венгерецъ былъ впереди всѣхъ, какъ-бы хотѣлъ помѣряться со смертью, точно ее искалъ и жаждалъ. Налѣво виднѣлся лагерь одного изъ шведскихъ отрядовъ; многіе изъ охотниковъ горѣли желаніемъ кинуться на непріятеля, находившагося такъ близко отъ нихъ, но Чарнецкій велъ дальше и только тогда, когда всѣ уже были въ тылу шведовъ, онъ приказалъ остановиться. Это медленное, осторожное движеніе въ темнотѣ привело нѣкоторыхъ изъ солдатъ въ сильное возбужденіе. Чарнецкій приказалъ податься немного влѣво и ждать сигнала къ бою.

Вокругъ лагеря не было постовъ, всюду было тихо, непріятель, очевидно, спалъ. Внезапно Констанція куда-то исчезла. Наконецъ, Чарнецкій вынулъ саблю изъ ноженъ и крикнулъ:

— Впередъ!

Солдаты моментально кинулись на шведовъ. Грянули выстрѣлы, раздались крики и стоны. Въ непріятельскомъ лагерѣ произошло неописанное смятеніе. Люди со сна вскакивали, не понимая что случилось, не будучи въ состояніи оріентироваться, куда спастись, очертя голову бѣжали подъ выстрѣлы Чарнецкаго. Янашъ съ окровавленной саблей, какъ бѣшеный, ворвался въ лагерь шведовъ, рубя ихъ направо и налѣво, потерявъ въ суматохѣ шлемъ, разгоряченный кровью, упоенный боемъ, онъ гналъ непріятелей, нанося имъ непрерывные удары.

Вбѣжавъ въ шатры, Янашъ въ неистовствѣ убивалъ спя-

щихъ, топталъ ихъ ногами, опрокидывалъ подымавшихся. Смятеніе распространилось по всему лагерю, охваченному ясногорскими воинами, и коснулось той части, гдѣ былъ Миллеръ. Многіе непріятельскіе солдаты уже поднялись, схватились за оружіе, и такимъ образомъ, воинамъ Чарнецкаго вскорѣ могла угрожать неминуемая гибель. Къ счастью, неожиданное нападеніе со стороны противоположной монастырю и какъ-бы въ самый центръ лагеря слишкомъ поразило шведовъ и показалось имъ наступленіемъ какого-то другого койска, подоспѣвшего на выручку къ осажденнымъ. Барабаны забили тревогу, послышались звуки трубъ, раздались отрывочные неувѣренные выстрѣлы. Смятеніе усиливалось.

Чарнецкій, устилая путь свой трупами, врѣзался въ лагерь, надѣясь такимъ образомъ скорѣе прорваться къ монастырю.

Двигаясь въ этомъ направленіи, солдаты напали на два орудія, тотчасъ ихъ заклепали, предварительно убивъ растерявшихся артиллеристовъ. Тутъ же возлѣ шанцевъ стоялъ шатеръ полковника де Фоссисъ, который вечеромъ въ бесѣдѣ съ Вейгардомъ говорилъ о ничтожествѣ человѣка и предразсудкахъ людей, наивно вѣрующихъ въ иную жизнь, и теперь безмятежно спалъ съ улыбкой на лицѣ.

Янашъ ворвался въ шатеръ и пронзилъ мечомъ спавшаго. Глаза де Фоссиса широко и страшно раскрылись, голова откинулась, руки конвульсивно задрожали, какъ бы искали оружія, и несчастный почилъ вѣчнымъ непробуднымъ сномъ. Янашъ шелъ все далѣе и далѣе, кидаясь во все стороны, умерщвляя всѣхъ встрѣчающихся на дорогѣ, въ неистовствѣ часто удаляясь отъ своихъ товарищей. Долго ему это сходило съ рукъ, пока, наконецъ, не бросился на него одинъ шведъ и они съ яростью обхватили другъ друга руками. Какъ два свирѣпыя волка сцѣпились они, употребляя все усилія, чтобы нанести смертельный ударъ, но вдругъ откуда-то раздавшійся выстрѣлъ опрокинулъ ихъ обоихъ на землю. Нѣкоторые изъ солдатъ Чарнецкаго кинулись спасать венгерца, но онъ былъ уже смертельно раненъ и, указавъ рукой на монастырь, въ ту-же минуту скончался. Ясногорскіе воины поспѣшно направлялись къ крѣпостному рву, такъ какъ весь лагерь уже былъ въ движеніи и шведы гнались за ними по пятамъ. Миллеръ поднялся съ постели, вско-

чилъ на коня и вмѣстѣ съ генераломъ Горномъ преслѣдоваль съ войскомъ убѣгающихъ.

Во время погони онъ на минуту остановилъ коня у палатки полковника де-Фоссисъ, съ цѣлью разбудить его и отдать приказаніе направить орудія на поспѣшно удаляющихся храбрецовъ. Войдя къ полковнику, начальникъ шведскаго войска съ ужасомъ отпрянулъ отъ двери. Де-Фоссисъ былъ убитъ и плавалъ въ своей крови.

— На помощь! люди! — крикнулъ генераль, схватившись за голову.

Два орудія, которыя могли повредить ясногорскимъ воинамъ, оказались заклепанными.

Генераль Горнъ, который такъ же, какъ Миллеръ, былъ въ сильномъ возбужденіи, храбро поскакалъ впередъ, желая настигнуть убѣгающихъ. Увидя Чарнецкаго, онъ набросился на него съ обнаженной саблей, но въ тотъ же моментъ какой-то полякъ изъ отставшихъ подскочилъ къ генералу и со всего размаха ударилъ его алебардой въ грудь. Горнъ зашатался, схватилъ своего коня за гриву, но тотъ нечаянно споткнулся и упалъ, увлекая за собою генерала, почти одновременно пораженнаго пулей. Онъ уже лежалъ на землѣ, когда Миллеръ подѣхалъ къ нему. Увидя своего любимца раненымъ, генераль сильно встревожился, немедленно велѣлъ оказать Горну помощь, а самъ, поручивъ одному изъ старшихъ офицеровъ продолжать преслѣдованіе, въ сильномъ волненіи вернулся въ свою палатку.

Благодаря темнотѣ и сильному замѣшательству шведовъ, солдатамъ Чарнецкаго удалось прорваться и достигнуть крепостного рва. Здѣсь уже они были почти въ опасности, такъ какъ Замойскій, увидя, что товарищи находятся почти у самыхъ стѣнъ, счелъ теперь возможнымъ прикрыть ихъ отступленіе и открылъ огонь по энергично наступающимъ шведамъ.

Охотники спустились въ ровъ, добѣжали до потайной двери и благополучно вошли въ монастырь. Всѣ участники опасной экспедиціи были въ бодромъ и отчасти возбужденномъ состояніи. Изъ числа ихъ недоставало немногихъ.

Кордецкій во все время вылазки горячо молился.

Чарнецкій отправился къ нему и, тяжело дыша отъ усталости, проговорилъ:

— Ну, вотъ и мы, отче!

— Слава Богу! слава Богу!.. Но много жертвъ? Кто погибъ?

— Немного, но въ числѣ погибшихъ, между прочимъ, нашъ бравый, храбрый Янашъ...

— Бѣдняга, предчувствіе его не обмануло.

Въ это самое время вбѣжалъ Замоискій.

— Ну, какъ?—спросилъ онъ въ нетерпѣніи. — Удачно?

— Вполиѣ, какъ по маслу. Да вотъ, взгляните на шведовъ, они вертятся, какъ мухи въ водѣ.

Дѣйствительно, въ непріятельскомъ лагерѣ была страшная суматоха. Въ темнотѣ въ разныхъ направленіяхъ мелькали маленькія огни, барабаны продолжали бить тревогу, слышались звуки трубъ, кавалерійскіе разъѣзды мчались во весь опоръ вдоль позицій, всюду поспѣшно выдвигались аванпосты.

— Богъ великъ!—пылко воскликнулъ Замоискій, и, желая воспользоваться благопріятнымъ моментомъ, тотчасъ побѣжалъ къ орудіямъ и громко скомандовалъ:

— Участить огонь!

Орудія гремѣли безъ перерыва, увеличивая еще болѣе замѣшательство шведовъ.

XXII.

Восходящее солнце ярко освѣтило царившій въ непріятельскомъ лагерѣ беспорядокъ. Ране утромъ Миллеръ объѣхалъ свои войска, подсчиталъ выбывшихъ изъ строя, изъ которыхъ болѣе всего его огорчала смерть полковника де Фоссисъ и смертельная рана генерала Горна. Онъ немедленно велѣлъ убрать трупы, заклепанныя во время вылазки орудія снять съ лафетовъ, а на ихъ мѣсто поставить другія, и, страшно взбѣшенный дерзостью осажденныхъ, отдалъ приказаніе начать усиленную канонаду. Выстрѣлы слѣдовали за выстрѣлами, не переставая ни на одну минуту, но вредъ, причиняемый ими, все же былъ не настолько великъ, чтобъ доставить утѣшеніе разсвирѣбѣвшему генералу. Вейгардъ, узнавъ о смерти де Фос-

сиса и очень тяжелой ранѣ Горна, прибѣжалъ въ лагерь Миллера, но не рѣшился показаться ему на глаза. Графъ былъ увѣренъ, что генералъ въ бѣшенствѣ готовъ все случившееся свалить на него.

Дѣйствительно, Миллеръ былъ страшно золъ. Сознавая свою силу, превосходство, знаніе, онъ чувствовалъ до какой степени унижено его самолюбіе энергичнымъ отпоромъ какого-то монастыря, который защищали шляхтичи и монахи. Полководецъ, пользовавшійся извѣстностью, терялъ свои лавры въ бою съ какими-то монахами! Было отъ чего обезумѣть. Генералъ быстро ходилъ взадъ и впередъ по своей палаткѣ и съ яростью повторялъ:

— Умру, но не уступлю. Монастырь во что бы то ни стало возьму!

Въ нетерпѣніи онъ посылалъ гонца за гонцомъ въ главный экспедиціонный корпусъ съ просьбой, какъ можно скорѣе прислать болѣе крупныя осадныя орудія. Тѣмъ временемъ ему доложили, что привели горцевъ изъ Олькуша для устройства мины, которую надо было подвести подъ крѣпостныя стѣны. Планъ уже былъ готовъ и полковникъ де-Фоссисъ назначенъ былъ руководителемъ этихъ работъ, но теперь, когда его не стало, приходилось поручить это дѣло другому, менѣе свѣдущему офицеру.

Несчастныхъ рабочихъ пригнали подъ стражей и держали, какъ узниковъ. Всѣ они, столпившись, стояли печальные и испуганные, и только одинъ изъ нихъ, высокій крѣпкій старикъ, съ сѣдыми волосами, опираясь на палку, гордо и презрительно посматривалъ на шведовъ.

Миллеръ приказалъ вести ихъ къ горѣ и начинать работу, но около полудня ему сообщили, что рабочіе противятся и не желаютъ подводить мины. Предположивъ, что это только какое-нибудь недоразумѣніе, происшедшее, быть можетъ, вслѣдствіе встрѣтившагося затрудненія въ самой работѣ, послали къ рабочимъ шведскаго прислужника Куклиновскаго, чтобы тотъ переговорилъ съ ними. Куклиновскій засталъ ихъ окруженными солдатами. Они сидѣли на землѣ съ опущенными головами, а возлѣ нихъ стоялъ высокій старикъ и злобно смотрѣлъ на окружающихъ.

— Что же вы стоите? Начинайте! — крикнулъ Буклиновскій.

— Развѣ мы шведы или измѣнники, какъ ты? — воскликнулъ возмущенный старецъ. — Да вы никакъ обалдѣли, заставляя насъ подымать руку на Пресвятую Дѣву!

— Что такое?..

— А вотъ то, — смѣло возразилъ старикъ, — что, воля ваша, хотите убить насъ, такъ убивайте. Лучше погибнуть отъ вашей руки, нежели всю вѣчность мучиться въ аду. Не будемъ работать, да и баста!

Буклиновскій поглядѣлъ на старика, а затѣмъ быстро поскакалъ доложить объ этомъ генералу. Миллеръ въ первую минуту не вѣрилъ своимъ ушамъ, но потомъ грозно закричалъ:

— Повѣсить мерзавцевъ! повѣсить!

— Но, — возразилъ Буклиновскій, — если мы ихъ повѣсимъ, то кто же будетъ мину подводить?

— Повѣсить для примѣра того, кто ихъ бунтуетъ, остальные смирятся, — приказалъ генералъ. — А если это средство не поможетъ, такъ черезъ девять десятого на висѣлицу!

Калинскій, услышавъ такое приказаніе, выступилъ впередъ.

— Позвольте мнѣ, генералъ, — проговорилъ онъ, — переговорить съ ними.

— Хорошо, полковникъ, только, пожалуйста, не церемоньтесь съ ними. Непослушныхъ безъ разговоровъ на осину!

Калинскій вскочилъ на коня и поспѣшилъ къ рабочимъ. Тѣ стояли на томъ же самомъ мѣстѣ, какъ и прежде. Взглянувъ на ихъ пасмурныя лица, съ благоговѣніемъ обращенныя къ часовнѣ Богоматери, полковникъ почувствовалъ въ своей душѣ нѣчто въ родѣ стыда или укоровъ совѣсти, но это продолжалось недолго; тѣмъ не менѣе, онъ ласково обратился къ рабочимъ:

— Ну, дѣти за работу. Что это вы выдумали? Развѣ не знаете генерала? Помните, что онъ за труды наградить, а въ случаѣ непослушанія, строго накажетъ. Зарубите себѣ на носу, что вамъ угрожаетъ смертная казнь; кто не возьмется за работу, тотъ пойдетъ на висѣлицу...

— Ну, такъ вѣшайте, — гордо возразилъ старикъ, — нечего и ждать.

— Что это у васъ за дурь въ головѣ засѣла?

— Да вотъ такая, что шведу-еретику мы не помощники противъ Пресвятой Дѣвы, какъ вы, господа дворяне.

Калинскій сильно покраснѣлъ.

— Ты, старикъ,—крикнулъ онъ, — первый попадешь на висѣлицу!

— Христось тоже висѣлъ,—спокойно отвѣчалъ старикъ, — висѣлица за Божье дѣло—не позоръ:

Полковникъ стоялъ, какъ вкопанный, и не зналъ, что сказать этому старцу, который такъ холодно, такъ равнодушно относился къ смерти. По всему было видно, что онъ одинъ поддерживалъ рабочихъ, а потому Калинскій приказалъ отвести старика Яна Вацька (таково его было имя) въ сторону.

— А вы,—обратился онъ къ остальнымъ, — тоже не хотите работать и ждете, пока я не примусь и за васъ?

Изъ толпы послышался чей-то голосъ:

— Вѣшайте и насъ!

Другіе молчали.

— За работу!—крикнулъ Калинскій.

Стоящіе вокругъ солдаты начали бить рабочихъ прутьями, но они продолжали стоять въ угрюмомъ молчаніи. Одинъ изъ нихъ не выдержалъ, сталъ на колѣни и проговорилъ:

— Боже, помилуй меня грѣшнаго! нѣтъ у меня силы Яна. Братья, будемъте работать. Видитъ Богъ, что мы не желаемъ, но насъ принуждаютъ силою; такъ пусть же этотъ грѣхъ падетъ на головы шведовъ!

— Нѣтъ, возразилъ другой, — послѣдуемъ за Яномъ; пусть и насъ вѣшаютъ.

Солдаты продолжали бить, но ни одинъ еще изъ рабочихъ не принимался за работу. Калинскій пустилъ въ ходъ иное средство.

— Сколько хотите, чтобы вамъ уплатили? — спросилъ онъ.

— Да мы сами заплатимъ, только оставьте насъ въ покоѣ.

Крики истязуемыхъ, шумъ, брань помѣшали далѣе говорить полковнику. Приказавъ шведамъ гнать на работу силою и поставить при нихъ стражу, онъ отправился къ Миллеру мрачный и недовольный. Его мучила совѣсть и онъ боролся съ нею. Въ дорогѣ Калинскій встрѣтилъ солдатъ, которые вели Яна Вацька со связанными руками. Старикъ молча и какъ

бы насмѣшливо посмотрѣлъ на полковника и не проговорилъ ни слова. Въ лицѣ старика не было ни мольбы, ни страха смерти, которую, очевидно, онъ спокойно ожидалъ. Калинин не выдержалъ. Такое могущество его побѣдило и онъ приказалъ освободить храбраго горца.

— Уходи, — сказалъ онъ, — уходи скорѣе!

Старикъ, почувствовавъ себя свободнымъ, ничего не отвѣтилъ, осмотрѣлся и повернулъ въ ту сторону, откуда его вели, назадъ къ своимъ товарищамъ.

Полковникъ не могъ да и не желалъ наблюдать за нимъ. Между тѣмъ, старый Вадецъ направился туда, гдѣ горцы, уступая насилію, начинали ненавистную работу. Остановившись недалеко отъ нихъ на холмѣ, онъ громко воскликнулъ:

— Эй, братья! на насъ вѣдь глядятъ Христось и его Пресвятая мать. Развѣ вамъ не стыдно быть такими слабыми и бояться смерти, развѣ вамъ не больно работать противъ Чепстохова? Пусть бьютъ, пусть убиваютъ, бросьте мотыги и не работайте.

Нѣкоторые горцы чуть не въ одинъ голосъ отвѣтили:

— Что-же мы можемъ сдѣлать противъ насилія? Вѣдь насъ горсть, а ихъ много.

— Пусть мучать, — крикнулъ Янъ, — тѣмъ скорѣе ихъ накажетъ Богъ. А вы развѣ не сумѣете пострадать? Кому же, если не намъ, показать примѣръ другимъ? Дворяне предались врагу, такъ неужели и мы поступимъ такъ-же, какъ они?

Въ эту минуту сзади къ нему подкрались шведскіе солдаты, и, схвативъ его, потащили къ какому-то разоренному строенію. Старый горецъ не сопротивлялся и смѣло ждалъ смерти. Быть можетъ, никогда мученичество не было перенесено человѣкомъ съ болѣе сильной и мужественной душою. Шведы долго не думая, перекинули веревку черезъ балку, сдѣлали петлю, надѣли ее на шею старику и подняли его. Глаза всѣхъ обратились на Яна. Когда тѣло горца дрогнуло въ воздухѣ, всѣ его товарищи бросили работу и въ одинъ голосъ крикнули:

— Умремъ и мы! погибнемъ, какъ онъ!

Шведы бинулись на горцевъ, но никакая сила въ этотъ день не могла заставить ихъ работать. Только на третій день, усталые, избитые, павшіе духомъ, угрожаемые смертью, они при-

нуждены были уступить насилію и взяться за эту ужасную для них работу.

XXIII.

Чарнецкій и его солдаты, возвратившись съ вылазки, были чрезвычайно удивлены, не найдя брошеннаго ими въ ровъ плѣннаго. Въ этомъ мѣстѣ валялись на землѣ только платокъ, которымъ ему завязали ротъ, да веревки. Плѣнникъ исчезъ, точно сквозь землю провалился.

Это былъ не кто иной, какъ Натанъ Пурбахъ, подкравшійся къ стѣнамъ для переговоровъ съ Вахлеромъ. Его кратковременный плѣнъ не только не принесъ какой-бы то ни было пользы осажденнымъ, но скорѣе повредилъ имъ. Пурбахъ былъ брошенъ какъ разъ возлѣ той башни, у которой находился постъ монастырскаго пушкря. Нѣмецъ кое-какъ освободившись отъ наскоро сдѣланной повязки, началъ стонать и тихимъ голосомъ звать Вахлера. Тотъ наконецъ услышалъ и крикнулъ:

— Кто тамъ?

— Вахлеръ?— спросилъ Натанъ.

— Я, я! но какой чортъ меня зоветъ и откуда?

— Тише... это я, Натанъ Пурбахъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь?

— Можно говорить?

— Говори, только не громко; какой дьяволъ тебя сюда занесъ?

— Я служу въ полку князя Гесскаго.

— Какимъ образомъ ты сюда попалъ? Должно быть, ты не знаешь, что наши пошли на вылазку?

— Какое не знаю! они-то меня схватили, связали и бросили тутъ. Я только что еле освободился отъ повязки, но ваши вернутся и возьмутъ меня, такъ какъ слишкомъ хорошо связали веревками. Спаси меня, братъ, спаси скорѣе...

— А какъ же я тебя спасу? Какъ ты сюда попалъ, такъ и уходи...

— Сжался надо мной; вѣдь они меня убьютъ, они будутъ меня мучить. Знай, что, если я пропаду, то вмѣстѣ со

мною пропадутъ твои деньги. Наши тебѣ общають двѣсти талеровъ, если ты поможешь имъ взять монастырь.

Вахлеръ молчалъ и раздумывалъ.

— Тихе,—сказалъ онъ, наконецъ,—лежи смирно и молчи; я попытаюсь; быть можетъ, мнѣ и удастся тебя спасти.

Сказавъ это, онъ поглядѣлъ на стѣны и тихо спустился внизъ, къ потайной двери, черезъ которую недавно вышли солдаты. Осторожно открывъ ее, онъ вышелъ, оглянувшись кругомъ, приблизился къ Пурбаху и разрѣзалъ веревки, которыми тотъ былъ связанъ.

— Ну, теперь бѣги!... бѣги скорѣе... и помни, что я тебѣ спасъ жизнь.

— Прежде, чѣмъ ваши вернутся съ вылазки, у насъ еще есть время,—сказалъ Натанъ,—мы непременно должны взять монастырь; если ты въ этомъ дѣлѣ окажешь намъ содѣйствіе, у тебя въ карманѣ будетъ двѣсти талеровъ.

— За мной слѣдять,—замѣтилъ Вахлеръ.

— Но вѣдь существуютъ у васъ недовольные и трусы; сойдись съ ними; открой только потайную дверь, а остальное наше дѣло.

Вахлеръ кивнулъ головой.

— Посмотримъ,—сказалъ онъ,—посмотримъ.

— Но гдѣ же и когда мы переговоримъ?—спросилъ Пурбахъ.—Вѣдь другой разъ я не осмѣлюсь сюда подойти.

— Въ полночь, направо отъ башни, я поставлю красный фонарь. Какъ только ты увидишь его, иди смѣло. Я здѣсь одинъ стою на посту, намъ никто не помѣшаетъ.

— Въ такомъ случаѣ, до завтра...

Натанъ исчезъ, а Вахлеръ поспѣшилъ къ потайной двери и незамѣтно вошелъ въ монастырь.

На другой день, утромъ, Вахлеръ спутился во дворъ и противъ обыкновенія завелъ оживленную бесѣду съ собравшимися тамъ людьми. Онъ рассказывалъ чуть-ли не чудеса о могуществѣ шведовъ, и жаловался на упорство монаховъ, нежелающихъ сознавать угрожающей имъ опасности.

Рѣчь его произвела впечатлѣніе на малодушныхъ, и безпокойство овладѣвшее ими невольно передавалось другимъ. Нѣкоторые изъ осажденных то тамъ, то здѣсь собирались по

нѣсколько человѣкъ, таинственно о чемъ-то шептались, обмѣниваясь самыми невѣроятными и неизвѣстно откуда добытыми извѣстіями. Нѣмецъ все чаще и чаще ораторствовалъ среди толпы. Многіе тревожно озирались во всѣ стороны, точно шведы уже врываются въ монастырь.

А непріятель тѣмъ временемъ продолжалъ бомбардировку, въ надеждѣ пустить въ ходъ болѣе сильное средство, то есть подвести мину. Работа, однако шла медленно, такъ какъ горцы наткнулись на очень твердый грунтъ, да и относились къ дѣлу съ ненавистью.

Миллеръ всѣхъ гналъ, на всѣхъ сердился, а въ глубинѣ души болѣе всего на самого себя за то, что началъ осаду. Вейгардъ молчалъ, работая надъ своимъ планомъ. Имъ обоимъ казалось, что не сегодня-завтра придутъ послы изъ монастыря съ условіями капитуляціи, но пока все еще никто не показывался.

Натанъ, утромъ, послѣ вылазки, пришелъ въ палатку Вейгарда блѣдный и покрытый синяками.

— Что случилось?—спросилъ графъ.

— Что? несчастье!—сказалъ Пурбахъ.—Вчера я подкрался къ стѣнѣ какъ разъ въ то самое время, когда эти дьяволы отправлялись на вылазку; я не успѣлъ опомниться, какъ они меня схватили.

— Какъ? ты былъ въ ихъ рукахъ?.. Какъ же ты освободился?

— Чудомъ и не безъ послѣдствій, какъ ваше сіятельство изволите видѣть,—сказалъ Натанъ, указывая на синяки и подтеки.—Надѣюсь, что они могутъ служить очевиднымъ доказательствомъ моей ревностной службы. Мнѣ завязали ротъ и, скрутивъ, какъ собаку, бросили въ ровъ.

— Какимъ же образомъ ты спасся?

— Чудомъ, ваше сіятельство, воистину чудомъ, такъ какъ отъ повязки я кое-какъ самъ освободился, но если-бы Вахлеръ не спустился ко мнѣ и не развязалъ меня, я уже былъ бы на томъ свѣтѣ.

— Ты говорилъ съ нимъ?

— Говорилъ. Онъ обѣщаетъ оказать содѣйствіе, но требуетъ много денегъ.

— Что же онъ рассказывалъ о войскѣ, о стѣнахъ? Ты вѣдь, навѣрно, спрашивалъ объ этомъ.

— Не было времени долго разговаривать; мы еле успѣли обмѣняться нѣсколькими словами. Между прочимъ, онъ увѣрялъ меня, что недовольныхъ въ монастырѣ много и что только настоятель, да нѣсколько упрямыхъ монаховъ заставляютъ гарнизонъ обороняться, а если-бы не они, то давно послѣдовала-бы капитуляція.

Вейгардъ на минуту задумался.

— Когда ты увидишься съ Вахлеромъ?—спросилъ графъ, какъ бы что-то соображал.

— Сегодня или завтра.

— Ну, теперь можешь идти.

Вейгардъ повернулся къ Калининскому.

— Полковникъ, — проговорилъ онъ, — вамъ придется еще разъ отправиться въ монастырь, не въ качествѣ нашего посла, но въ роли ихъ друга и совѣтника. Вы такъ краснорѣчивы и притомъ полякъ, потому вамъ легче, чѣмъ кому-бы то ни было, убѣдить монаховъ въ томъ, что они поступаютъ безумно.

— Я готовъ исполнить ваше желаніе, — сказалъ, польщенный довѣріемъ къ его способностямъ, Калининскій, — и не сомнѣваюсь, что генералъ согласится на это. Пойдемте къ нему.

Они застали генерала за столомъ, уставленнымъ графинами съ виномъ и разными яствами, въ обществѣ нѣсколькихъ старшихъ офицеровъ. По всему видно было, что здѣсь происходила основательная попойка. Предметомъ бесѣды была вчерашняя вылазка, случившаяся вслѣдствіе оплошности шведовъ и небрежности генерала, смотрѣвшаго на осажденныхъ, какъ на невѣждъ въ военномъ искусствѣ. Столъ былъ покрытъ нѣсколькими скатертями различнаго происхожденія, украшенными коими-то гербами старинныхъ польскихъ родовъ. Куханья подавались на серебряныхъ блюдахъ съ разнообразными инициалами и коронами. Все это, очевидно, было награблено во время войны.

Генеральская палатка была открыта спереди и изъ нея видѣнъ былъ энергично отстрѣливающийся монастырь. У подножія горы рассыпалась цѣпь стрѣлковъ, съ разныхъ сторонъ

доносились трубные звуки, гулъ орудій и барабанный бой. За столомъ сидѣли князь Гескій, Садовскій, нѣсколько шведскихъ полковниковъ и поляковъ. При входѣ Калининскаго и Вейгарда Миллеръ сморщился, такъ такъ послѣдняго считалъ виновникомъ всѣхъ этихъ бесполезныхъ трудовъ и неудачъ, и тотчасъ послѣ привѣтствій указалъ ему на повѣшеннаго горца.

— Вотъ видите, какова здѣсь война: приходится вѣшать тѣхъ, на союзъ съ которыми вы изволили разсчитывать.

Вейгардъ пожалъ плечами и сѣлъ.

— Это, — сказалъ онъ, — только минутныя непріятности, но все же дѣло идетъ...

— Дѣйствительно, прекрасно идетъ, — замѣтилъ Садовскій. — Минувшая ночь можетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ справедливости вашихъ словъ.

— Ну, въ данномъ случаѣ, — прервалъ Миллеръ, — мы сами виноваты. Намъ казалось, что воюемъ съ монахами, а не съ бравыми воинами, какъ оказалось въ дѣйствительности. Но это не бѣда! Вотъ посмотримъ, что запоютъ почтенные отцы, когда намъ доставятъ болѣе солидныя орудія.

— Они врядъ-ли понадобятся, — сказалъ Вейгардъ.

— Вы мнѣ всегда многое обѣщаете.

— Монастырь употребляетъ послѣднія усилія и близокъ къ капитуляціи.

— Что и говорить! Когда мы направлялись сюда, вы высказывали увѣренность, что монастырь въ первый-же день нашего прибытія капитулируетъ.

— Да, но теперь моя увѣренность поконится на гораздо болѣе вѣскихъ данныхъ, — тихо проговорилъ Вейгардъ. — Изъ достовѣрныхъ источниковъ мнѣ извѣстно, что осажденные совершенно утомлены борьбой и готовы сдаться.

— Однако, пословъ не присылаютъ.

— Надо знать положеніе дѣлъ у осажденныхъ, — таинственно сказалъ чехъ.

— Напримѣръ?

— Тамъ верховодитъ нѣсколько человѣкъ и они-то заставляютъ всѣхъ продолжать эту безнадежную оборону.

Миллеръ махнулъ только рукой.

— Я собственно пришелъ къ вамъ, генераль, — продолжалъ

графъ,—затѣмъ, чтобы вы разрѣшили полковнику Калининскому отправиться къ нимъ съ дружескимъ совѣтомъ. Я вполне увѣренъ, что онъ убѣдитъ монаховъ въ бесполезности дальнейшей борьбы и пренесетъ намъ условія капитуляціи, которыя тамъ навѣрно уже готовятъ. Почтенные отцы просто хотятъ немного поупрямиться, а гарнизонъ противъ воли защищается...

Генералъ иронически засмѣялся.

— Пусть отправляется полковникъ, если ему нравится, но я предпочитаю вести переговоры съ помощью ядеръ, чѣмъ парламентаровъ; мои послы—это крупные осадные дальнобойныя орудія.

Всѣ молчали.

— Какъ для монаховъ,—крикнулъ Миллеръ, ударивъ кулакомъ по столу,—надо отдать справедливость—они хорошо дѣйствуютъ. Чортъ возьми! мы еще нигдѣ не встрѣчали такого отпора... Наши пули ихъ не берутъ, даже хорошаго пожара намъ не удалось произвести. И въ довершеніе всего, вчерашняя вылазка, произведенная какою-то горстью отчаянно дерзкихъ храбрецовъ. Все это для меня положительно непонятно! Потери у насъ большія, вся эта нора не стоитъ ихъ! Но я отомщу, жестоко отомщу, ни одного человѣка не оставлю въ живыхъ и уничтожу до основанія проклятое воронье гнѣздо. Де Фоссисъ убить! Горнъ смертельно раненъ, нѣсколько десятковъ солдатъ изрублено и застрѣлено. Вчера мы оказались монахами и ротозѣями, а не они!

Генералъ съ досадой махнулъ рукой и выпилъ огромный бокалъ вина.

— А теперь,—добавилъ онъ,—сколько хлопотъ, хотя бы съ горцами, которые только изъ страха передъ висѣлицей принимаются за работу! Наступаютъ холода, солдаты мои мерзнуть, болѣютъ, и въ перспективѣ зима со всѣми ея невзгодами. Да, нечего сказать, затѣяли мы хорошее дѣло.

Вейгардъ далъ ему кончить, а затѣмъ, послѣ минутной паузы, сказалъ:

— Такъ какъ же, генералъ? Вы разрѣшаете полковнику Калининскому отправиться въ монастырь?

— А пусть себѣ ѣдетъ, если ему угодно! — равнодушно

отвѣчалъ Миллеръ, — съ Богомъ; но что касается меня, то я вовсе не рассчитываю на успѣхъ.

— Я лучше знаю поляковъ, — проговорилъ Вейгардъ, — у нихъ, простите за откровенность, — добавилъ онъ, на минуту обращаясь къ присутствующимъ полякамъ, — переходъ отъ самыхъ бурныхъ порывовъ къ сомнѣнію и отчаянію часто бываетъ почти незамѣтенъ. Вчерашняя вылазка доказываетъ лишь то, что ими овладѣло отчаяніе.

Нѣкоторые изъ поляковъ, вмѣстѣ съ Садовскимъ, подтверждали мнѣніе графа, другіе молчали.

Вейгардъ значительно взглянулъ на Калинскаго. Тотъ понялъ его и тотчасъ же вышелъ, а попойка еще долго продолжалась.

XXIV.

Полковникъ Калинскій, въ сопровожденіи солдата съ бѣлымъ парламентерскимъ знаменемъ и трубача, снова спѣшилъ къ монастырю. Подъѣхавъ къ воротамъ, онъ обратился къ о. Павлу съ просьбой доложить о немъ пріору. Ждать пришлось не долго. Его впустили и, по обыкновенію, съ завязанными глазами повели къ настоятелю. Когда полковникъ уже подходилъ къ корридору, внезапно его остановила старая Констанція.

— Привѣтъ мой славному шведу, — воскликнула она, — привѣтъ и глубокое почтеніе!

— Это что за баба? — спросилъ Калинскій сопровождавшаго его о. Павла.

— Это бѣдная жанщина, слуга Пресвятой Дѣвы, какъ ее у насъ здѣсь называютъ.

— Да! да! — подхватила Констанція, — я очень рада, что вы такъ часто навѣщаете насъ.

— А что? — спросилъ полковникъ.

— А то, — продолжала старая, — что я уже знаю, зачѣмъ вы у насъ бываете. О, очень хорошо понимаю! Знатный шведъ хочетъ креститься. Слава Всевышнему! Здѣсь уже не мало турокъ, татаръ и всякой ереси навели на путь истинный. Васъ тоже примутъ, только надо, какъ слѣдуетъ, покаяться въ своихъ грѣхахъ

— Что она мелеть, эта сумашедшая? — возмущившись проговорил Калинин. — Развѣ я не католикъ?

— Богъ дастъ современемъ и это будетъ, — сказала Констанція, — но пока какой же вы католикъ, если воюете съ Пресвятой Дѣвой?

Полковникъ покраснѣлъ и смутился.

— А я вамъ вотъ что скажу, — продолжала нищая, — и вы запомните хорошенько, что въ бичеваніи никто не превзойдетъ о. Павла, я насчетъ исповѣди нѣтъ лучшаго, какъ о. Игнатій; правда, изругаетъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, но за то ужъ такъ выпотрошитъ душу, что лучше не надо... а насчетъ...

— Оставь ты меня въ покоѣ, баба! — съ гнѣвомъ крикнулъ Калинин.

О. Павелъ, несмотря на все желаніе удержаться, просто помиралъ со смѣху. Баба не отставала отъ посла.

— Всякій подтвердитъ, что я правду говорю; о. Павелъ здорово хлещетъ себя ремнемъ; а чтобы было, если-бы онъ добрался до чужой спины? Съ этого я вамъ отъ души совѣтую начинать.

Калинскій не могъ уже выдержать и поспѣшно, чуть-ли не бѣгомъ, отправился по корридору, но нищая не отставала ни на шагъ, и, забѣжавъ впередъ, снова начала:

— Вернетесь на истинный путь, вернетесь! Я по глазамъ вижу, стыдиться нечего, это не грѣхъ! Только чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я вѣдь вижу, что въ душу къ вамъ залѣзъ дьяволъ и кружится и вертится; если его оттуда не выгнать, такъ Богъ вѣсть, что можетъ случиться, а противъ дьявола нѣтъ лучшаго средства какъ здоровый ремень...

О. Павелъ не могъ сдержаться и разразился громкимъ, оглушительнымъ хохотомъ. Калинин сталъ было ругаться, но какъ разъ въ эту минуту вышелъ пріоръ и пригласилъ его въ залу, а Констанція, замѣтивъ Кордецкаго, поклонилась, повернулась и исчезла. Но лишь только она выбѣжала оттуда, какъ тотчасъ ея лицо, такъ недавно веселое и оживленное, измѣнилось до неузнаваемости. Въ глазахъ отразилась безграничная, скрытая въ глубинѣ души печаль, и въ нихъ блеснули слезы. Констанція съ волненіемъ вынула полученный отъ Ганны кусокъ хлѣба, поцѣловала его и поспѣшно спрятала въ суму. Подойдя

къ дому Лассоты, она опустилась на землю и глубоко задумалась.

Между тѣмъ, настоятель ввелъ Калининскаго въ *definitorium*, куда уже собрались монахи и дворяне.

Кордецкій надѣялся, что они, какъ всегда, поддержать его, но, увы! онъ горько ошибся. Кромѣ Замойскаго, охотно посвятившаго себя и своего сына оборонѣ Ченстохова, исключая Чарнецкаго, который заранѣе рѣшилъ сражаться здѣсь до послѣдняго издыханія и умереть за правое дѣло, да еще нѣкоторыхъ, всѣ остальные уже не имѣли того мужества, которое такъ недавно ихъ поддерживало. И не удивительно: они были обыкновенные люди, представляли собою такъ называемую толпу, которая, какъ легко воспламеняется, такъ же легко остываетъ; толпа, хотя бы на короткое время предоставленная самой себѣ, теряется и робѣетъ. Великая духовная сила достается въ удѣлъ немногимъ избранникамъ; обыкновенные люди живутъ отраженіемъ того священнаго огня, который горитъ въ душѣ этихъ избранниковъ, да и то въ извѣстные лучшіе моменты своей сѣрой однообразной жизни.

Въ присутствіи настоятеля всѣ стояли за войну, но лишь только онъ удалялся, начинали вздыхать. Во время ожесточенныхъ бомбардировокъ они съ тревогой вслушивались въ страшный гулъ орудій, трескъ лопающихся гранатъ, стоны раненыхъ, и возносили свои молитвы къ Богу, прося не столько побѣды, сколько мира. Это, большей частью, были только монахи, занятые другой войной, безпрестанной войной съ собой, съ своей плотью, съ сомнѣніемъ, со всѣмъ тѣмъ, что не даетъ покоя даже благочестивѣйшему изъ людей. Инымъ для возбужденія отваги необходимо если не видѣть, то знать, что они не одни, что ихъ раньше или позже поддержать, а откуда можно было ожидать поддержки, когда въ то время до нихъ доходили самыя печальныя, неутѣшительныя вѣсти о пораженіяхъ и бѣдствіяхъ. Польша, поверженная во прахъ, какъ врагами, такъ и собственными недостойными сынами, была окровавлена какъ бы и покрыта погребальнымъ саваномъ. Какимъ образомъ эти нѣсколько сотъ человѣкъ могли надолго сохранить мужество, когда они были почти совершенно одиноки, какъ оазисъ въ сожженной солнцемъ пустынѣ, какъ островокъ

въ безбрежномъ океанѣ. Запертые на высокой Ясногорской скалѣ, они были одни, окруженные отовсюду наводнившими ихъ страну непріятелями.

Состояніе умовъ простолюдиновъ, монаховъ, шляхтичей, почти всецѣло зависѣло отъ Кордецкаго. Если-бы онъ ихъ постоянно не поддерживалъ, они бы пали духомъ, но дѣло въ томъ, что небольшая даже неудача портили то, надъ чѣмъ неустанно трудился достойный пастырь. Кромѣ немногихъ, большинство не надѣялось на успѣхъ и раздумывало о томъ, какъ бы легче перенести неминуемый ударъ. Не одинъ изъ этого числа малодушныхъ, возбужденный рѣчью Кордецкаго, громко клялся сражаться до послѣдней капли крови, но черезъ нѣкоторое время самъ себя не узнавалъ, не будучи въ силахъ бороться съ постепенно овладѣвавшимъ имъ сомнѣніемъ. Среди простыхъ солдатъ, которыхъ старался смущать Вахлеръ, тоже постепенно возражало безпокойство. Большею частью это были люди, наскоро собранные изъ ихъ деревень, которыхъ разлука съ домомъ, опасеніе за цѣлость его, слишкомъ явное превосходство непріятельскихъ силъ, слухи о томъ, что вся Польша подчинилась шведамъ, дѣлали ихъ болѣе склонными къ тревогѣ. Правда, и здѣсь голосъ Кордецкаго и его глубокая вѣра производила свое дѣйствіе, возбуждая мужество и готовность къ самопожертвованію, но какихъ надо было усилій и вмѣстѣ съ тѣмъ благопріятныхъ условій, чтобы надолго поддержать эти благородныя чувства тамъ, гдѣ они подвергались слишкомъ частымъ и тягостнымъ испытаніямъ! Въ рядахъ гарнизона были, между прочимъ, нѣмцы, венгерцы, уроженцы Силезіи, которые ничѣмъ не были воодушевлены и служили исключительно ради денегъ и награды.

Такимъ образомъ, участь монастыря зависѣла отъ вождей, ихъ храбрости, умѣнья, неустанный бдительности и внимательнаго отношенія не только къ охраняемой крѣпости, но и къ состоянію умовъ и сердецъ ея защитниковъ. Сколько надо было пережить безпокойствъ, заботъ, опасеній, сколько надо было употребить усилій, чтобы пагубный ядъ сомнѣнія не проникъ въ невольныя подготавливающіеся къ его принятію умы!

Такимъ образомъ, надежды Вейгарда и Калинскаго нельзя сказать, чтобы были совершенно безосновательны. Они разсчи-

тывали, что напоминаніе о настоящемъ бѣдственномъ положеніи Польши вообще и роковой участи осажденной Ясногорской обители въ частности, далеко имъ не помѣшаетъ. Такова была цѣль поѣздки полковника, который въ данный моментъ являлся не въ роли парламентаря отъ генерала Миллера или официального посла, но въ качествѣ добраго совѣтника и искренняго друга своихъ заблуждающихся соотечественниковъ. Лицо его приняло соотвѣтственное этому выраженіе. Досада, вызванная словами старой Констанціи, скоро прошла, онъ теперь былъ совершенно спокоенъ и въ умѣ своемъ перебиралъ всѣ аргументы, которые предполагалъ пустить въ ходъ во время бесѣды съ упрямыми монахами.

Пріемъ ему былъ, однако, сдѣланъ торжественный, какъ вообще по отношенію къ послу. Калининскій сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этой холодной официальности, и старался держаться просто и добродушно.

— Я очень радъ,—сказалъ онъ съ улыбкой,—что хотя здѣсь, у вашего высокопреподобія могу свободно вздохнуть, я прихожу сюда вовсе не какъ посолъ, но какъ вашъ соотечественникъ и братъ. Мнѣ хочется провести свободную минуту между своими близкими, а если же кратковременное присутствіе мое на что-нибудь вамъ пригодится, я буду очень счастливъ; повторяю, только не считайте меня посломъ Миллера, а просто гостемъ.

— Тѣмъ лучше,—отвѣтилъ Кордецкій (рукой приглашая сѣсть),—такъ какъ посольство было-бы напрасно, послѣ столькихъ бомбардировокъ, которыя у васъ считались, очевидно, самыми вѣскими аргументами, не совсѣмъ удачно подѣйствовали на упрямецъ.

Полковникъ, избѣгая щекотливыхъ разговоровъ, нарочно началъ бесѣду на другую тему.

— Не повѣрите,—началъ онъ,—насколько тягостно положеніе насъ, католиковъ, въ шведскомъ войскѣ, но увы! это необходимость, желѣзная необходимость!.. Намъ чрезвычайно больно, но что-же дѣлать? Насиловать событія нельзя.

Всѣ молчали; онъ продолжалъ все съ тою же добродушной улыбкой:

— Конечно, вы понимаете, насколько мнѣ пріятно быть

среди своихъ, немного отдохнуть и хотя на нѣсколько минутъ забыть о несчастіяхъ родины.

Молчаніе продолжалось; полковникъ до сихъ поръ не встрѣтилъ въ окружающихъ ни сочувствія, ни возраженія, и такимъ образомъ не зналъ — какое дѣйствіе производятъ его слова. Положеніе его становилось непріятнымъ, онъ поворачивался, какъ-бы разыскивая предметъ для дальнейшей бесѣды, но ничего не могъ найти. Кто нибудь со стороны могъ-бы замѣтить, что высказываемое имъ сожалѣніе нашло отголосокъ въ умахъ многихъ, но присутствіе настоятеля и его внимательный, строгій взоръ сдерживали проявленіе того, что скрывалось въ ихъ сердцахъ. Калининъ, между тѣмъ, продолжалъ:

— Мнѣ кажется, что со смерти Сигизмунда Августа Польша, очевидно, клонилась къ упадку. Мы всё видимъ, какъ каждый, кто только можетъ, грабитъ несчастную страну...

— Жаль — прервалъ Кордецкій, — что мы не примѣняемъ къ ней одного и того-же лѣкарства; каждый ее тянетъ къ себѣ, и въ концѣ концовъ съ нашей родиной можетъ случиться тоже, что съ ребенкомъ Соломонова суда. Но Богъ милостивъ и великъ!

— Это правда, наша надежда на Бога, — набожно проговорилъ полковникъ, — именно только на Бога, который даетъ нашему отечеству такихъ героевъ, какъ вы, отче, людей, достойныхъ удивленія и прежде всего достойныхъ болѣе счастливаго дѣла.

Эта лесть, такъ прямо и неловко сказанная, никакого не произвела дѣйствія. Кордецкій взгянулъ на крестъ Спасителя и на минуту задумался.

— Вамъ надо отдать справедливость, что вы изъ ничего сумѣли создать очень многое и просто дѣлаете чудеса, но, къ сожалѣнію, все это ни къ чему не можетъ пригодиться, кромѣ доставленія вамъ славы.

— Какъ? — рѣзко возразилъ настоятель, выведенный изъ терпѣнія послѣдней фразой полковника, — вы предполагаете, что мной руководить желаніе пустой, скоропреходящей славы?.. Въ такомъ случаѣ, вы жестоко ошибаетесь.

— Будьте увѣрены, — прервалъ Замойскій, — что какъ отецъ-настоятель, такъ и мы, вовсе не думаемъ, въ данномъ случаѣ,

удивлять людей и добиваться славы. Нами руководить одно лишь желаніе честно исполнить свой долгъ по отношенію къ дорогомуду отечеству и нашей вѣрѣ. Мы дѣлаемъ то, что обязаны дѣлать.

— Мы понимаемъ это, — сказалъ Калининскій, — и съ нескрываемымъ восторгомъ смотримъ на васъ, благородныхъ воиновъ, выказывающихъ столько самопожертвованія и теряющихъ свои силы, къ сожалѣнію, напрасно.

— Почему-же напрасно? — спросилъ Чарнецкій. — Ничто не проходитъ безслѣдно и нашъ примѣръ можетъ пригодиться другимъ.

— Все напрасно, — повторилъ полковникъ, — такъ какъ вы защищаете погибшее дѣло.

— Чье же это дѣло погибшее? — мрачно спросилъ Кордецкій? — Дѣло Божье и справедливости вы считаете погибшимъ?

— Не будемъ спорить, дорогой отче, — по обыкновенію вкрадчиво началъ Калининскій, — но позвольте мнѣ сказать: вы, монахи, давно уже сидите въ монастырѣ и, какъ полагаетъ вамъ, преданы молитвамъ и размышленію, а потому, не знаете, что вокругъ васъ происходитъ. Совершающіяся теперь событія вамъ неизвѣстны. Мы же, принимающіе въ нихъ участіе, яснѣе видимъ положеніе Польши и ея неминуемую гибель. Да! надо разстаться съ надеждой удержать на тронѣ нашего Яна-Казимира, такъ какъ король Янъ-Казимиръ погубилъ Польшу и губить...

Замойскій вздрогнулъ, но не прервалъ.

— Начиная съ Сигизмунда III, — серьезно говорилъ полковникъ, — который вступилъ на престолъ чуть ли не исключительно благодаря привязанности къ роду Ягеллоновъ, привязанности положительно слѣпой, все у насъ шло Богъ знаетъ какъ и, конечно, вело къ гибели. Въ Сигизмундѣ III была только капля Ягеллонской крови, онъ былъ чуждъ намъ и мы были ему чужды во всѣхъ отношеніяхъ. Своимъ несвоевременнымъ стремленіемъ къ неограниченной власти и неумѣлыми дѣйствіями въ этомъ направленіи онъ вызвалъ въ странѣ волненія, смуты и первый положилъ начало упадка Польши. Владиславъ IV поддерживалъ государство хотя сильной, но не всегда увѣренной рукой. Янъ-Казимиръ своимъ непостоянствомъ, своимъ легкомысленнымъ умомъ поставилъ на краю гибели. Положеніе ужасное! Царь съ одной стороны, шведы съ дру-

гой, казаки съ третій рвутъ насъ на части, а внутри государства смута. Кому же все это приписать, если не ему?

— Самимъ себѣ, — прервалъ настоятель, — только себѣ. Чѣмъ виновать монархъ, котораго власть всегда старались парализовать подъ тѣмъ якобы предлогомъ, чтобы онъ не злоупотребилъ ею, по отношеніи къ собственнымъ подданнымъ; который все время принужденъ оглядываться, нѣтъ ли мятежа и постоянно долженъ воевать не только съ внѣшними врагами, но и съ внутренними? Развѣ вы предоставили ему всѣ нужныя средства и силы для совершенія великѣ дѣлъ, для укрѣпленія могущества государства? Развѣ вы относились къ нему съ сочувствіемъ и развѣ когда-нибудь онъ находилъ въ васъ поддержку?

— Но отчего-же никогда не было такъ худо, какъ теперь? — подхватилъ Калининскій. — Отчего даже во время правленія его отца и брата насъ не постигали такія страшныя бѣдствія, какъ нынѣшнія? Здѣсь не судьба, не мы, но глава народа виновать. Согласитесь, что отечество должно быть дороже всего; когда кормчій ведетъ порученный ему корабль къ гибели, напѣ главнѣйшая обязанность заключается въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе спасти корабль, а не легкомысленнаго кормчаго. Мнѣ искренно жаль Яна-Казимира, я съ сочувствіемъ отношусь къ нему, какъ къ человѣку, но какъ короля его не жалѣю и по убѣжденію принадлежу къ сторонникамъ Карла-Густава. Король, который двѣ столицы государства оставилъ на произволъ судьбы, котораго оставили военачальники, народъ и войско, не можетъ быть не виновенъ!

— Вотъ гдѣ Божья кара! — воскликнулъ настоятель. — И такія рѣчи говорить подданный, сынъ такъ отзывается объ отцѣ!

— Я, прежде всего, сынъ отечества, — сказалъ полковникъ, — я страдаю, но не закрываю глазъ на дѣйствительность, плачу, но вмѣстѣ съ тѣмъ ищу спасенія. Въ данный моментъ не подлежитъ никакому сомнѣнію то, что поддерживая Яна-Казимира, мы приносимъ вредъ своей странѣ. Но Богъ великъ, по неизреченной милости своей Онъ далъ намъ въ якобы врагѣ защитника, опору, опекуна, новаго и могучаго короля!

Кордецкій хмурился, но молчалъ. Замойскій сжалъ кулаки

Чернецкій время отъ времени прохаживался по залѣ, точно ему было тяжело стоять на одномъ мѣстѣ; другіе присутствующіе, казалось, были изумлены рѣчью посла и заинтересованы ею.

— Въ этомъ видѣнъ перстъ Божій, — продолжалъ Калининъ. Вся Польша обращается къ этому защитнику, добровольно признавая новаго монарха: полководцы, войска, воеводства, магнаты, города, замки, народъ ждутъ отъ него спасенія. Польша въ эту минуту въ его рукахъ. Вы одни стоите, какъ островъ въ безграничномъ океанѣ, борясь съ дѣйствительною силою событій и, я сказалъ-бы даже, съ разсудкомъ, если-бы не умѣлъ цѣнить прекрасныхъ, святыхъ, но, къ сожалѣнію, бесплодныхъ и ни къ чему не ведущихъ чувствъ, которыя васъ воодушевляютъ.

Настоятель все еще хранилъ молчаніе, а полковникъ, замѣтивъ впечатлѣніе, произведенное его словами, говорилъ далѣе:

— Я, конечно, понимаю строгое отношеніе монаховъ къ данной ими присягѣ. Въ своемъ благочестіи они полагаютъ, что должны соблюсти ее даже съ опасностью жизни. Но присяга до тѣхъ поръ налагаетъ на насъ извѣстные обязательства, пока она соблюдается обѣими сторонами, а Янъ-Казиміръ ее нарушилъ, оставилъ насъ и бѣжалъ. Самъ онъ отрекся отъ того, чего удержать не могъ и, уѣзжая изъ Кракова, сказалъ: «Поступайте такъ, какъ, по вашему мнѣнію, будетъ лучше.» Такимъ образомъ, весь народъ счелъ себя свободнымъ отъ присяги, а потому, теперь оставаться сторонникомъ Яна-Казимира, переставшаго быть нашимъ королемъ, быть можетъ, и геройство, но вмѣстѣ съ тѣмъ безуміе! Отношусь съ уваженіемъ къ такому безумію, но раздѣлять его не могу.

— Безуміе! — шепталъ, прохаживаясь по залѣ Чернецкій. — О, гадина, гадина! а какъ, каналья, сладко, аргументируетъ! Кордецкій видимо старался сдержать себя.

— Не хочу быть совѣтникомъ, — со вздохомъ продолжалъ Калининъ, — такъ какъ вы отказываетесь отъ моихъ совѣтовъ, хотя они исходятъ изъ глубины моей души, но, въ виду происходящихъ событій, считаю прямой своей обязанностью повторить еще разъ, что вамъ слѣдуетъ примириться съ положеніемъ вещей и немедленно сдаться. Сами одни вы не побѣдите всѣхъ. Король Карлъ-Густавъ, который въ вашемъ воображеніи представляется какимъ-то страшнымъ чудовищемъ,

объясняетъ Польшѣ быть для нея отцомъ. Онъ подтверждаетъ всѣ наши права, объясняетъ сохранить всѣ привилегіи, не нарушать нашей свободы, не посягать на святую католическую церковь и заботиться о нашей странѣ, какъ о своей собственной. Кто знаетъ, быть можетъ, для насъ, въ религіозномъ смыслѣ, онъ вернется на истинный путь, какъ Ягелло, и станетъ нашимъ единовѣрцемъ? Его наиѣренія относительно Ясной Горы отцовскіе; не овладѣть ею онъ хочетъ, а защитить, предоставивъ въ ея распоряженіе свой собственный отрядъ. Если монастырь будетъ разрушенъ, не кто иной, какъ вы сами, будете въ этомъ виновны.

— Вотъ какая отцовская заботливость!—проворчалъ Чарнецкій.

Пріоръ въ задумчивости стоялъ и молча глядѣлъ на присутствующихъ, изъ которыхъ нѣкоторые были въ извѣстной степени смущены. Иные значительно перешептывались между собой, и если бы не было Кордецкаго, быть можетъ, начали бы трактовать съ краснорѣчивымъ полковникомъ.

— Да мы сами,—осмѣлился, наконецъ, высказаться Мошинскій,—отчасти это сознаемъ, всѣ мы это чувствуемъ, но что же дѣлать, когда Миллеръ такой суровый и ставитъ условія..

— Да, да!—подхватилъ Янъ Скожевскій,—если бы можно было выговорить хорошія условія.

Глаза полковника блеснули отъ радости. Шляхтичи начинали высказываться, пріоръ, должно быть, нарочно молчалъ и какъ бы выжидалъ подходящаго момента для начатія переговоровъ. Калинскій, видя, что приближается къ цѣли, воскликнулъ:

— Съ генераломъ, между нами говоря, хлопотъ не будетъ: его очень легко соблазнить деньгами, а что онъ уже разъ объясняетъ, то исполнить; дадите ему выкупъ—и дѣло съ концомъ.

— А что будетъ съ соборомъ и сокровищницей?

— Что касается собора, такъ и тутъ опасаться нечего,—проговорилъ полковникъ,—существуетъ королевскій приказъ, гарантирующій его цѣлость. Миллеръ не осмѣлится его нарушить; къ одному еще онъ можетъ придаться, а именно: къ оружію, но и тутъ можно уладить дѣло, переговоривъ съ на-

чальникомъ артиллеріи, на котораго деньги дѣйствуютъ лучше всякаго цѣлительнаго бальзама.

— А безопасность лицъ?

— О! за это я могу ручаться, — возразилъ Калининскій. — Наконецъ, изъ двухъ золъ надо выбирать всегда меньшее; если шведы войдутъ какъ друзья, вы можете быть спокойны. Ну, а если какъ враги, тогда ужъ не прогнѣвайтесь — пощады никому не будетъ. Во время штурма трудно удержатъ отъ безчинствъ разъяренныхъ солдатъ, ожесточенныхъ упорнымъ сопротивленіемъ непріятеля. Они будутъ страшно мстить, такъ какъ вы имъ достаточно насолили.

— Но вы, господинъ полковникъ, — прервалъ Мошинскій, — пользуетесь такимъ вліяніемъ на генерала, такъ не могли-ли бы вы подѣйствовать въ данномъ случаѣ?

Кордецкій терпѣлъ и слушалъ, какъ бы равнодушно, какъ бы испытывалъ людей, но въ ту минуту, когда значительное число шляхтичей и нѣсколько монаховъ уже приближались къ полковнику, а тотъ, торжествуя побѣду, готовился собирать ея плоды, тогда только онъ поднялся съ мѣста и, весь дрожа отъ волненія, съ пылающимъ лицомъ, съ сверкающими огнемъ глазами, въ благородномъ негодованіи воскликнулъ:

— Ахъ, вы, маловѣрные, слабые, жалкіе люди! Гдѣ ваша честь? гдѣ ваша совѣсть? И какже отечеству не страдать, какже ему не погибнуть, когда сами граждане сегодня готовы погибнуть смертью храбрыхъ, а завтра готовы предаться врагу, ради низменныхъ интересовъ, соблазненные медоточивыми рѣчами коварнаго искуителя? Я слушалъ васъ, полковникъ, — обратился онъ къ Калининскому, — съ терпѣніемъ и изумленіемъ. Поляки привыкли сваливать вину свою на другихъ и это происходитъ нынче, какъ всегда. По вашему мнѣнію, виновенъ король. А кто же его оставилъ? Кто отказалъ ему въ сформированіи войска? Кто остался вѣренъ ему въ несчастіи? Кто срывалъ сеймы, когда отчизна въ отчаяніи взывала о помощи? Не король, и не кто иной, какъ мы сами! Кто высокомернымъ отношеніемъ къ народу вызвалъ кровавый мятежъ въ Малороссіи? Никто иной, какъ мы сами! Кто первый, какъ не подлый измѣнникъ Радзеіовскій ввелъ Карла-Густава въ предѣлы Польши? Можете, если угодно, предрекать нашу ги-

бель, но я глубоко вѣрю, что Богъ сильнѣе всѣхъ, Богъ побѣды, Богъ любви и справедливости! Онъ караетъ, но и оказываетъ милость. Изгнанники нерѣдко возвращаются, а побѣдители падаютъ... Не радуйтесь заранѣе. Обѣщанія шведовъ велики, ждите же ихъ исполненія. Отъ данной клятвы освободить насъ никто не можетъ, кромѣ смерти. Мы не были и не будемъ подданными Карла-Густава, короля чуждой намъ вѣры и врага нашей родины!.. Да, господинъ полковникъ, жаль мнѣ васъ, такъ какъ вы видите только то, что васъ окружаетъ вблизи. Подумитесь, постарайтесь взглянуть на міръ вообще и на родину вашу шире, яснѣе и тогда все вамъ представится яснѣе и иначе...

Сказавъ это и удерживаясь отъ взрыва благочестиваго негодованія, которое имъ овладѣло, Кордецкій сталъ прощаться съ полковникомъ, желая поскорѣе отдѣлаться отъ гостя, сѣявшаго боязнь и сомнѣніе въ сердцахъ его паствы.

— Смеркается, — сказалъ онъ, — путь отъ монастыря въ вашъ лагерь ночью не безопасенъ, а пригласить васъ на ночлегъ мы не смѣемъ, такъ какъ мы осаждены, стѣснены и не въ состояніи достойно принять такого почтеннаго и важнаго гостя.

Калинскій оглянулся кругомъ, какъ бы въ ожиданіи поддержки отъ тѣхъ, на которыхъ его рѣчь произвела впечатлѣніе, но, не замѣтивъ ни одного сочувствующаго взора, схватилъ шапку и быстро удалился изъ залы. Замойскій гордо посмотрѣлъ ему вслѣдъ, а Чарнецкій отошелъ въ сторону, чтобы избѣгнуть рукопожатія при прощаніи.

Братъ Павелъ встрѣтилъ полковника въ корридорѣ, а затѣмъ вывелъ его за ворота.

Но лишь только Калинскій очутился въ полѣ, какъ раздался выстрѣлъ и въ ту же минуту ѣхавшій впереди солдатъ съ бѣлымъ парламентарскимъ знаменемъ, пораженный какой-то шальной пулей, громко вскрикнулъ и, выронивъ изъ рукъ древко, свалился съ лошади. Можно себѣ представить, въ какомъ состояніи духа вернулся полковникъ въ свой лагерь. Изъ окна залы пріоръ видѣлъ все это происшествіе и, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ, громко воскликнулъ:

— Смотрите! развѣ въ этомъ не видѣнъ перстъ Божій и грозное предостереженіе? Онъ пришелъ сѣять смуту среди насъ,

и пуля, сразившая солдата, должна напомнить ему, что въ каждую минуту надо быть готовымъ предстать на судъ Всевышняго и дать Ему отчетъ во всѣхъ своихъ помыслахъ и дѣяніяхъ! Что значимъ мы предъ лицомъ Бога? Братія! склонимъ наши головы въ прахъ и покаемся, ибо мы слабы, какъ дѣти. Я видѣлъ, какъ жадно вы внимали коварнымъ рѣчамъ змія-искусителя, который васъ пугалъ, какъ дѣтей, и какъ дѣтей склонялъ туда, куда желалъ, я видѣлъ сердца ваши и плачу... О, какъ же нашей странѣ не истекать кровью и не обливаться слезами, когда мы такъ непостоянны, какъ по отношенію къ Богу, такъ и по отношенію къ себѣ! Опомнитесь, малодушные люди, и вѣрьте въ истину и Бога. Онъ творилъ великіе чудеса. Помните, что Христосъ безъ оружія, однимъ животворящимъ словомъ покорилъ весь міръ; такъ почему-же вы сомнѣваетесь въ томъ, что Онъ насъ помируетъ и защититъ?

— Но пожелаетъ-ли Онъ?— тихо спросилъ Мошинскій.

— Пожелаетъ, если мы увѣруемъ, и лишитъ своей милости, если въ насъ не будетъ вѣры. Но здѣсь даже земные расчеты должны охранить васъ отъ боязни и сомнѣнія. Мы должны защититься и защитимся. Сама зима заставитъ Миллера снять осаду, отъ короля можетъ прійти подкрѣпленіе.

— Отъ короля, который самъ не имѣетъ войска, — возразилъ Скожевскій.

— Богъ ему дастъ.

— Но береженаго Богъ бережетъ, — добавилъ шляхтичъ.

— Стыдно слушать такія рѣчи и не стоитъ на нихъ отвѣчать. Вы сюда сошлись, довѣрившись могуществу нашей Заступницы, такъ вѣрьте Ей до конца, и съ вашей головы даже валось не упадетъ. Богъ наказываетъ только невѣрующихъ. Молитесь, надѣйтесь и все будетъ хорошо.

Присутствующіе еще что-то хотѣли сказать, но пріоръ вышелъ изъ залы, а за нимъ тотчасъ последовали монахи.

Шляхтичи раздѣлились на нѣсколько партій. Одни высказывали желаніе приступить къ переговорамъ, другіе хотѣли продолжать оборону, нѣкоторые возражали противъ всего высказаннаго Кордецкимъ, называя это простымъ упрямствомъ.

XXV.

Вахлеръ, тѣмъ временемъ, усиленно работалъ надъ приведеніемъ въ исполненіе своего плана, почти каждую ночь переговариваясь у башни съ Натаномъ Пурбахомъ, клевретомъ Вейгарда, и распространяя среди легковѣрныхъ людей самыя невѣроятныя извѣстія. Нѣмецъ на однихъ дѣйствовалъ страхомъ, другихъ привлекалъ на свою сторону разными заманчивыми обѣщаніями.

Почти половина гарнизона подчинилась вліянію Вахлера, видя въ немъ одною свое спасеніе. А тому только это и нужно было. Теперь онъ лишь ждалъ удобнаго случая, чтобы открыть осаждающимъ потайную дверь. Съ каждымъ днемъ Вахлеръ все небрежнѣе относился къ своей службѣ, заранѣе уже помогая шведамъ, которые, не дождавшись новыхъ орудій изъ главнаго экспедиціоннаго корпуса, штурмовали не только днемъ, но и ночью, не давая покоя защитникамъ Ясной Горы. Тяжелый трудъ, усталость, постоянная борьба съ сильнымъ, опытнымъ непріателемъ, безсонныя ночи, окончательно истомили большую часть осажденныхъ, состоявшихъ изъ наемныхъ солдатъ и мелкопомѣстной шляхты. Измѣна пустила свои корни и распространялась все болѣе и болѣе. Оборона велась уже менѣе энергично, былой пылъ угасъ. Кордецкій первый замѣтилъ перемѣну, или вернѣе, инстинктивно ее угадалъ. Замоискій тоже увидѣлъ, что среди подчиненныхъ ему солдатъ все учащаются нарушенія дисциплины и незамѣтно прежняго рвенія къ исполненію своихъ обязанностей. Неоднократно повторялись случаи даже сопротивленія его приказаніямъ. Самыя лучшія желанія предводителей сталкивались съ равнодушіемъ стѣрой массы. Чарнецкій сердился и нѣсколько разъ уже хотѣлъ пустить въ ходъ свой буздыханъ, но Кордецкій его сдерживалъ, доказывая, что слишкомъ крутыя мѣры могутъ лишь повредить.

Всѣ мужественные защитники Ченстохова съ каждымъ часомъ все болѣе убѣждались въ томъ, что въ гарнизонѣ измѣна, но пока все еще не удавалось захватить ея нить.

Содержаніе рѣчи Калинскаго въ искаженномъ видѣ передавалось изъ устъ въ уста, и это, конечно, усиливало тревогу. На другой день, послѣ визита полковника, нѣкоторые изъ

осажденныхъ были въ тревогѣ, ожидая скорого вторженія шведовъ.

Раннимъ утромъ, старая Констанція съ необыкновенной поспѣшностью вошла въ монастырь. Помолившись въ одной изъ часовенъ, она сначала направилась къ дому о. Петра, чтобы увидѣться съ Ганной, но дѣвочка не вышла, такъ какъ дѣдъ ея былъ боленъ. Старушка прошла къ стѣнамъ, очевидно, кого-то разыскивая. Не успѣла она пройти нѣсколько шаговъ, какъ недалеко, въ сторонѣ, послышался знакомый голосъ настоятеля.

Констанція обернулась и, увидѣвъ Кордецкаго, поспѣшила къ нему навстрѣчу.

— Отче! — сказала она, запыхавшись, — позвольте бѣдной грѣшницѣ сказать вамъ нѣсколько словъ.

— Говори, дитя мое, что тебѣ нужно?

— Мнѣ ничего, но я хочу кое-что сообщить вашему высокопреподобію, — отвѣчала старушка, — только не здѣсь; не надо, чтобы насъ слышали.

— Да вѣдъ здѣсь никого нѣтъ.

— О! иногда у стѣнъ бываютъ уши, а тутъ дѣло идетъ о жизни и участи многихъ людей.

Настоятель вышелъ съ нею на середину двора, гдѣ никто не могъ подслушать разговора, и Констанція тихо шепнула ему:

— Ваше высокопреподобіе, въ монастырѣ измѣна.

— Откуда ты объ этомъ знаешь? — спросилъ Кордецкій.

— Я ночую за стѣной, а ночью слышу, какъ кто-то подкрадывается къ башнѣ и разговариваетъ, только съ кѣмъ, — не могла прослѣдить.

— Какъ тебѣ кажется, кто это можетъ быть?

— Мнѣ кажется, что брешутъ по-нѣмецки, поэтому трудно ихъ было понять. Во всякомъ случаѣ, дѣло ясное, что шведы сносятся съ гарнизономъ.

— Немного же ты мнѣ сообщила, — сказалъ настоятель, — я самъ отчасти подозрѣвалъ, что тутъ неладно. Но гдѣ именно происходятъ разговоры, въ какомъ мѣстѣ?

— Разно, отче, но чаще всего у башни на юго-восточной сторонѣ.

— А! а! Вахлеръ, — прошепталъ Кордецкій, — я давно его подозрѣваю. Спасибо, старая, большое тебѣ спасибо; иди-же

теперь и никому не говори. Богъ наградить тебя за усердіе.

Сказавъ это, настоятель вошелъ на стѣны и направился прямо къ Чарнецкому, который, размахивая своимъ буздыханомъ, суетился на своемъ посту, подгоняя лѣнливыхъ и разставляя стрѣлковъ по бойницамъ. Нѣкоторые изъ нихъ очень неохотно исполняли его приказанія и доводили Чарнецкаго до того, что онъ началъ угощать ихъ звонкими затрещинами. Кордецкій отозвалъ его въ сторону.

— Попросите Замойскаго и приходите вмѣстѣ съ нимъ ко мнѣ на совѣтъ. Нельзя терять ни минуты. Въ монастырѣ измѣна...

Чарнецкій даже за голову схватился, но тотчасъ сообразилъ, что такое движеніе можетъ его выдать, и сдѣлалъ видъ будто поправляетъ на головѣ шапку. Долго не думая, онъ тотчасъ отправился къ Замойскому и шепнулъ ему нѣсколько словъ. Минутъ черезъ пять они поспѣшили въ монастырь, по дорогѣ захвативъ нѣкоторыхъ изъ своихъ вѣрныхъ товарищей. При входѣ въ келью Кордецкаго до слуха ихъ донесся звукъ трубы, и вскорѣ прибѣжалъ о. Павелъ съ извѣстьемъ, что снова пріѣхалъ вчерашній посолъ.

— Почтенный полковникъ, вѣроятно, пріѣхалъ взглянуть на свои посѣвы,—проговорилъ настоятель. — Ну, нечего дѣлать,—сегодня примемъ его у самыхъ воротъ въ квартирѣ о. Павла.

Отправивъ впередъ монаха, они медленно направились къ воротамъ и черезъ минуту вошли въ тѣсную келью, гдѣ застали пріятно улыбающагося Калинскаго, который, казалось, рассчитывалъ провести время, какъ и вчера, въ *definitorium*.

— Простите, пожалуйста, что мы васъ здѣсь принимаемъ,—проговорилъ Кордецкій,—но время у насъ рассчитано по часамъ и намъ нельзя долго пребыть въ вашемъ пріятномъ обществѣ. Что прикажете, господинъ полковникъ?

— Ничего, мнѣ только хотѣлось узнать, пока еще есть время, не могу-ли я быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ, на примѣръ, быть посредникомъ между вами и Миллеромъ?

— Мы еще, слава Богу, объ этомъ не думаемъ,—отвѣтилъ настоятель.

— А! въ такомъ случаѣ, поздравляю,—пробормоталъ пол-

ковникъ, — но еще разъ позвольте вамъ сказать, что вы худо разсчитываете и худо поступаете.

— Сдѣлайте милость, оставьте насъ въ покоѣ, — гордо проговорилъ Замойскій.

— Воля ваша, — подхватилъ Калининскій, — разъ вы такъ пренебрегаете моими добрыми желаніями, я не буду навязываться.

Полковникъ быстро поднялся съ мѣста и съ досадой вышелъ.

Отецъ Павелъ не успѣлъ хорошенько закрыть ворота, какъ пришлось снова ихъ открывать.

— А теперь въ монастырь, — воскликнулъ Кордецкій, — кто въ Бога вѣруеть, совѣтуйте и помогите.

Въ молчаніи они прошли дворъ и направились въ келью настоятеля. У входа былъ поставленъ послушникъ Рудницкій, которому было приказано никого не впускать безъ доклада.

Лишь только закрылась дверь, какъ пріоръ началъ:

— Намъ угрожаетъ опасность. Въ монастырѣ измѣна; хотя свѣдѣнія объ этомъ еще не вполне опредѣленны, но Богъ поможетъ и мы ее откроемъ. Непріятель имѣетъ сношеніе съ кѣмъ-то изъ нашихъ. Надо прослѣдить и наказать. Прежде всего скажите господа на кого, по вашему мнѣнію, скорѣе всего можетъ пасть подозрѣніе?

— Да почти на всѣхъ нѣмцевъ, — воскликнулъ Чарнецкій. По всему видно, что кто-то у насъ сѣетъ смуту; въ послѣдніе дни солдаты стали дерзки и непокорны.

— Я тоже самое замѣчаю, — сказалъ Замойскій, — но назвать никого не могу. По нѣкоторымъ даннымъ можно предполагать, что въ заговорѣ участвуютъ многіе.

— Что заговоръ существуетъ, — проговорилъ настоятель, — это не подлежитъ сомнѣнію. Быть можетъ, я не справедливъ, но мнѣ кажется, что виновникомъ смуты не кто иной, какъ Вахлеръ...

— Навѣрно онъ, — подтвердилъ Чарнецкій.

— Да, да! — заговорили нѣкоторые изъ шляхтичей, — по многимъ признакамъ это онъ.

— Въ такомъ случаѣ, надо убѣдиться и предотвратить зло, — заявилъ Кордецкій.

— Позвать его сюда, — сказалъ Замойскій. — Я увѣренъ, что онъ растеряется.

— Такова была и моя мысль, — замѣтилъ пріоръ. — Садитесь, господа, я сейчасъ пошлю за пушкаремъ.

Рудницкій немедленно отправилъ одного изъ послушниковъ за нѣмцемъ, подъ предлогомъ выдачи слѣдуемаго ему жалованья.

Присутствующими овладѣло безпокойство. Одинъ Кордецкій былъ совершенно спокоенъ. Черезъ нѣсколько минутъ двери раскрылись и въ келью вошелъ Вахлеръ. При видѣ сидящихъ за столомъ начальниковъ, грозно смотрѣвшихъ на него, нѣмецъ поблѣднѣлъ и инстинктивно почуялъ бѣду, но тутъ-же сообразилъ, что смущеніемъ можетъ выдать себя, а потому, принявъ самоувѣренный видъ, онъ сдѣлалъ шага два къ настоящему, но, взглянувъ на Кордецкаго, невольно задрожалъ и отступилъ. Въ залѣ царило глубокое молчаніе и это еще болѣе смутило Вахлера. Онъ не могъ выдержать долгаго пронизательнаго взгляда пріора, все время внимательно смотрѣвшаго на него. Всѣ присутствующіе тоже не спускали съ Вахлера глазъ, приводя этимъ нѣмца въ еще большее замѣшательство. Такъ прошло минутъ пять. Наконецъ Вахлеръ, потерявъ окончательно присутствіе духа, не выдержалъ и съ проклятьемъ кинулся къ двери, но ему загородилъ дорогу Рудницкій.

— Вахлеръ! — мягко сказалъ настоятель, — отвѣчай на вопросъ.

— На какой вопросъ я долженъ отвѣчать? — невнятно спросилъ пушкаръ.

— Ты хотѣлъ предать врагамъ Ченстоховъ, — грозно воскликнулъ Кордецкій. — Говори же скорѣе, съ кѣмъ и когда ты составилъ заговоръ?

Нѣмецъ стоялъ, точно пораженный громомъ. Чарнецкій подбѣжалъ къ нему.

— Признавайся, каналья! — гаркнулъ старый вояка, — намъ все извѣстно! Не думай отпираться и сейчасъ же говори все, что знаешь; въ противномъ случаѣ, тебя ждетъ вѣселица.

Вахлеръ, окончательно растерявшись, упалъ на колѣни, поднялъ руки, точно защищаясь отъ удара, и, весь дрожа, признался въ измѣнѣ. Оставалось выслушать его показаніе. Ышштотпорскій грозно подошелъ къ нѣмцу.

— Говори, — сказалъ шляхтичъ, — кто твои сообщники?

— Я... простите... я ничего не знаю... я... Натанъ.

— Говори громче и яснѣе!—крикнулъ Замойскій.

Вахлеръ прерывающимся отъ страха голосомъ разсказалъ, какъ его соблазнилъ Натанъ Пурбахъ, какъ они сходились у башни, какъ рѣшено у нихъ было открыть потайную дверь и ночью впустить шведовъ.

Всѣ присутствующіе невольно вздрогнули.

Измѣна, какъ зараза, незамѣтно распространялась въ гарнизонѣ и въ короткое время охватила чуть не половину осажденныхъ. Почти всѣ иностранные наемные солдаты и даже нѣсколько шляхтичей присоединились къ заговору и черезъ нѣмца вели переговоры съ Вейгардомъ.

Немедленно Вахлера взяли подъ стражу и заперли въ одну изъ келій, а на его мѣсто назначили другого артиллериста.

Замойскій, Чарнецкій, Кшиштопорскій и другіе стали совѣтоваться, что дѣлать.

Чарнецкій не хотѣлъ простить.

— Вахлера, отче, — сказалъ онъ твердо, — для примѣра надо повѣсить на стѣнѣ у той башни, гдѣ онъ переговаривался съ нашими врагами.

Всѣ согласились съ его мнѣніемъ, кромѣ Кордецкаго.

— Достаточно будетъ, — проговорилъ настоятель, — выгнать его изъ крѣпости, вмѣстѣ съ главными сообщниками.

— Не согласенъ! — возразилъ Замойскій, — этого нельзя допустить.

— По крайней мѣрѣ, необходимо наказать главнаго виновника, — подхватилъ Чарнецкій. — Когда повѣсимъ Вахлера, остальные покаются, и надъ ними надо установить самый строгій надзоръ.

— Наконецъ, недовольнымъ, — проговорилъ Кшиштопорскій, — можно увеличить жалованье, соблазнить ихъ наградами. Всѣ отвѣтственные посты, конечно, необходимо поручить вѣрнымъ людямъ, за всѣмъ внимательно слѣдить и никому не довѣрять — вотъ мой совѣтъ.

— Еще разъ привести къ присягѣ осажденныхъ и взять съ нихъ клятву сражаться до послѣдней капли крови, — воскликнулъ Замойскій.

— Но что-же дѣлать съ Вахлеромъ?

— Выгнать изъ монастыря, — сказалъ настоятель.

— Какъ? Не забудьте, ваше высокопреподобіе, что, поступая такимъ образомъ, вы подвергаете монастырь большой опасности. Нѣмецъ сообщить врагамъ о состояніи крѣпости, ея стѣнъ, настроеніи гарнизона, однимъ словомъ, обо всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся насъ. Этого не слѣдуетъ допустить.

— Выгнать! — повторилъ Кордецкій. — Знаютъ шведы и безъ него, въ какомъ мы положеніи. Вѣшать нѣмца я не позволю, довольно и такъ жертвъ. Предоставимъ его упрекамъ совѣсти и отдадимъ шведамъ, которыхъ онъ полюбилъ.

— Въ данномъ случаѣ, великодушіе совершенно неумѣстно, — возразилъ Чарнецкій. — Я остаюсь при своемъ мнѣніи: Вахлера надо повѣсить. Необходимъ хорошій примѣръ.

— Но вы забываете, что мы не солдаты, но лица духовныя и не наше дѣло наказывать. Прогонимъ бездѣльника изъ монастыря и этого будетъ достаточно. А затѣмъ, позовите всѣхъ участвовавшихъ въ заговорѣ на дворъ, надо съ ними поговорить.

Продолжительное отсутствіе Вахлера было уже замѣчено его сообщниками и ими овладѣла страшная тревога. Они совершенно растерялись и положительно не знали, что дѣлать, видя, что за ними уже слѣдятъ. Когда имъ было приказано идти во дворъ, лица ихъ поблѣднѣли, сердца тревожно забились. Нѣкоторые пытались бѣжать черезъ потайную дверь, а двое изъ нихъ начали было спускаться съ крѣпостной стѣны; остальные, парализованные ужасомъ, машинально направились въ указанное мѣсто, готовясь къ смерти. Настоятель съ крестомъ въ рукѣ, сопровождаемый нѣсколькими священниками и предводителями, вышелъ къ собравшимся, оглядѣлъ испуганныхъ солдатъ и обратился съ слѣдующими словами:

— Вы задумали измѣну, но Богъ открылъ ее. Мы знаемъ, кто принадлежалъ къ заговору, такъ какъ руководитель его схваченъ и находится въ нашихъ рукахъ. Пусть Богъ покараетъ или проститъ тѣхъ, которые согрѣшили противъ Него, противъ присяги и своей совѣсти. Слушайте, дѣти мои, и кайтесь! Главный виновникъ заговора, поднявшій руку на эту святую обитель, будетъ изгнанъ, вамъ же мы даемъ время и возможность опомниться и очистить запятнанную преступленіемъ душу рвеніемъ и самопожертвованіемъ. Боязнь ослѣпила васъ.

Неужели вы думаете, что, выдавъ насъ шведамъ, вы сохраните цѣною предательства собственную жизнь? Ошибаетесь! Вы падете вмѣстѣ со всѣми! Въ суматохѣ, ночью, врагъ не станетъ разбирать, кто его другъ, кто врагъ. Но, къ счастью, этого не будетъ. Богъ не пожелалъ нашей гибели и оказалъ намъ милость, открывъ ваши нечестивыя замыслы.

Чарнецкій прервалъ съ нетерпѣніемъ:

— Знайте, что отецъ настоятель на этотъ разъ прощаетъ васъ, но въ случаѣ малѣйшаго проявленія злой воли, даю вамъ честное дворянское и солдатское слово, что измѣнникамъ пощады не будетъ. Каждаго такого подлеца я тотчасъ повѣшу, или раскрою ему голову, вотъ этимъ буздыханомъ (при этомъ онъ взмахнулъ надъ головой страшнымъ оружіемъ).

— А теперь,—замѣтилъ пріоръ, обращаясь къ Замойскому и Чарнецкому,—надо подозрѣваемыхъ отдать подъ самый строжайшій надзоръ.

— Раздѣлить пѣхоту на отряды,—сказалъ Замойскому,—и на каждый постъ назначить по десяти человѣкъ изъ шляхты и монаховъ.

— Жалованье ваше,—добавилъ Кордецкій,—я увеличиваю вдвое и сегодня вы получите его впередъ за цѣлый мѣсяцъ, но зато вы дадите клятву, что будете до послѣдней капли крови защищать нашу святую обитель. А теперь слѣдуйте за мною въ церковь и молитесь Бога о прощеніи.

Сказавъ этого, онъ направился къ собору, а за нимъ въ смущеніи двинулись солдаты. Такое мягкое отношенію къ ихъ позорному замыслу поразило, унизило ихъ. Лица виновныхъ горѣли отъ стыда, глаза невольно опускались внизъ, боясь укора окружающихъ. Они стали оправдываться, сваливая вину на Вахлера, и, шумно окруживъ настоятеля, увѣрили въ своей преданности и обѣщали послушаніе.

— Мы невиновны, отче, это Вахлеръ втянулъ насъ и опуталъ.

— Я не принадлежалъ къ заговору,—говорилъ кто-то.

— Я былъ противъ,—говорилъ другой.

— Я хотѣлъ даже донести вамъ объ этомъ, отче...

— Что было, то прошло,—проговорилъ Кордецкій,—а теперь оплакивайте свое преступленіе и постарайтесь исправиться.

Послѣ этихъ словъ онъ вошелъ съ солдатами въ церковь, поставилъ ихъ предъ алтаремъ и приказалъ священникамъ послѣ службы привести воиновъ къ присягѣ.

Затѣмъ настоятель немедленно велѣлъ всѣмъ монахамъ собраться въ *definitorium*. Когда уже всѣ были на своихъ мѣстахъ, Кордецкій обратился къ присутствующимъ съ слѣдующею рѣчью:

— Отцы, мы еще не достаточно потрудились и наша Заступница должна имѣть въ насъ болѣе внимательную стражу, болѣе усердныхъ и мужественныхъ защитниковъ. Измѣна была открыта, быть можетъ, за часъ до нашей гибели. Провидѣніе спасло насъ, но и мы сами на будущее время должны охранить нашу обитель отъ подобной опасности. Сорокъ человекъ изъ монаховъ должны раздѣлиться на четыре отряда и наблюдать за дѣйствіями пушкарей и гарнизона. Конечно, въ это число не могутъ войти люди старые и больные. Не бойтесь труда во славу Божию, не жалуйтесь, а будьте тверды. Въ эту минуту вся страна смотритъ на насъ. Мы будемъ примѣромъ для нашихъ соотечественниковъ, мы будемъ скалою, о которую разобьется могущество шведовъ.

Всѣ склонили головы въ знакъ согласія. Никто даже не подумалъ отказываться отъ новыхъ обязанностей.

— Наблюденіе за орудіями я поручаю о. Петру Лассотѣ. Ты не хотѣлъ борьбы, но переносишь ее съ мужествомъ и усердно трудишься, отдаю тебѣ то, что дороже всего въ настоящую минуту, ибо это главное средство нашей обороны... Вы, почтенные отцы Игнатій и Казиміръ, предназначены для охраненія монастыря отъ пожара, такъ какъ вамъ не подъ силу участвовать въ бою. На челядь полагаться нельзя. Отецъ Марцелій съ отцомъ Малаховскимъ будутъ надзирать за стѣнами и всѣми вообще укрѣпленіями. До сихъ поръ мы довѣрялись счастью и заступничеству Пречистой Дѣвы и сегодня мы имѣли новое доказательство Ея милости, но при всей нашей глубокой вѣрѣ, намъ надо работать, не щадя своихъ силъ. Поэтому, отцы и братья!—воскликнулъ Кордецкій,—во имя Пресвятой Дѣвы, во имя Спасителя міра, во имя вашего спасенія и будущей жизни заклинаю, прошу, умоляю васъ—не падайте духомъ! Богъ великъ и могучъ, вѣримся Ему. Мы должны ободрить тѣхъ,

которые еще не вѣрятъ въ окончательную гибель нашего дорогого отечества и ждутъ его воскресенія. Кто знаетъ? быть можетъ, отъ насъ зависить судьба всей страны, быть можетъ, въ Ясной Горѣ возродится героизмъ нашихъ предковъ и вспыхнетъ яркимъ пламенемъ въ сердцахъ нашихъ согражданъ. Будемъ же тверды въ нашихъ убѣжденіяхъ и вѣрны данной нами присягѣ. Пожертвуемъ своимъ достояніемъ, спокойствіемъ и жизнью ради великаго дѣла, спасенія нашей истомленной страданіями родины. Братья! кто чувствуетъ себя слабымъ, пусть скажетъ, мы принуждать не будемъ, пожалѣемъ его, какъ заблуждающагося брата, но простимъ его; намъ надо выносливыхъ и мужественныхъ...

Въ отвѣтъ на воззваніе всѣ безъ исключенія почти въ одинъ голосъ воскликнули:

— Охотно исполнимъ всѣ твои приказанія. Жизнь наша въ рукахъ Божьихъ. Труды не помѣшаютъ молитвѣ, ибо монахъ всегда и вездѣ долженъ и можетъ молиться.

— Въ такомъ случаѣ, за мной, братья, за мной!

Монахи, воодушевленные пламенной рѣчью Кордецкаго, поднялись съ своихъ мѣстъ и, выйдя изъ *definitorium*, торжественно послѣдовали за своимъ настоятелемъ, который повелъ ихъ прямо въ укрѣпленія. Женщины, старцы и дѣти, слышавшіе объ измѣнѣ, увидя любимаго пастыря, высыпали изъ прилегающихъ къ крѣпостной стѣнѣ домовъ и тотчасъ окружили его.

— Отче, не оставляй насъ, не отдавай непріятелю... Измѣна, несчастье!..

— Что случилось? — спрашивали другіе. — Гдѣ измѣна? Укажите намъ виновныхъ!

— Ничего, ничего, дѣти мои, будьте спокойны и возвращайтесь къ своимъ занятіямъ. Кто можетъ владѣть оружіемъ, кто можетъ быть намъ чѣмъ нибудь полезенъ, пусть идетъ за мной въ укрѣпленія; остальные идите домой и молитесь, молитва — ваше оружіе. Не бойтесь, Богъ милостивъ!

— Ахъ! сжальтесь надъ нами, — воскликнула одна изъ женщинъ, хватая пріора за руки, — не отдавайте насъ шведамъ!..

— Нѣтъ! нѣтъ! мы будемъ защищаться до послѣдняго вздоха, — возразилъ Кордецкій. — Ничто вамъ не угрожаетъ,

расходитесь и не беспокойтесь. А вы, господа, — обратился онъ къ окружающимъ шляхтичамъ, — пожалуйста съ нами на посты; вы привезли сюда своихъ женъ и дѣтей, такъ защищайте ихъ вмѣстѣ съ нами.

Затѣмъ настоятель раздѣлилъ всѣхъ собравшихся шляхтичей и монаховъ на отряды и направилъ ихъ въ укрѣпленія и башни.

Сигизмундъ Мошинскій и о. Гиларій Славошевскій заняли посты на юго-восточной сторонѣ монастыря, у той самой башни, гдѣ прежде стоялъ на стражѣ Вахлеръ; на западной сторонѣ наблюденіе за обороной было поручено Николаю Кшиштопорскому и о. Игнатію Мелецкому; сѣверо-восточную часть укрѣплений должны были защищать Петръ Чарнецкій и священникъ Адамъ Стыпульскій, а юго-западную Янъ Скожевскій и о. Данилъ Рыхтальскій.

Кордецкій благословилъ всѣхъ защитниковъ, и они поспѣшно отправились на назначенные посты. Отецъ Петръ Ласота, кромѣ надзора за крѣпостной артиллеріей, долженъ былъ наблюдать за строеніями во время бомбардировки и охранять ихъ отъ пожара.

Главное начальство надъ гарнизономъ поручено было Замоискому и о. Людвигу Чарнецкому, но верховнымъ руководителемъ обороны остался по прежнему Кордецкій, вліяніе котораго на осажденныхъ съ каждымъ днемъ возрастало.

Все въ монастырѣ измѣнилось теперь почти до неузнаваемости, точно откуда-то пришло въ подкрѣпленіе новое войско.

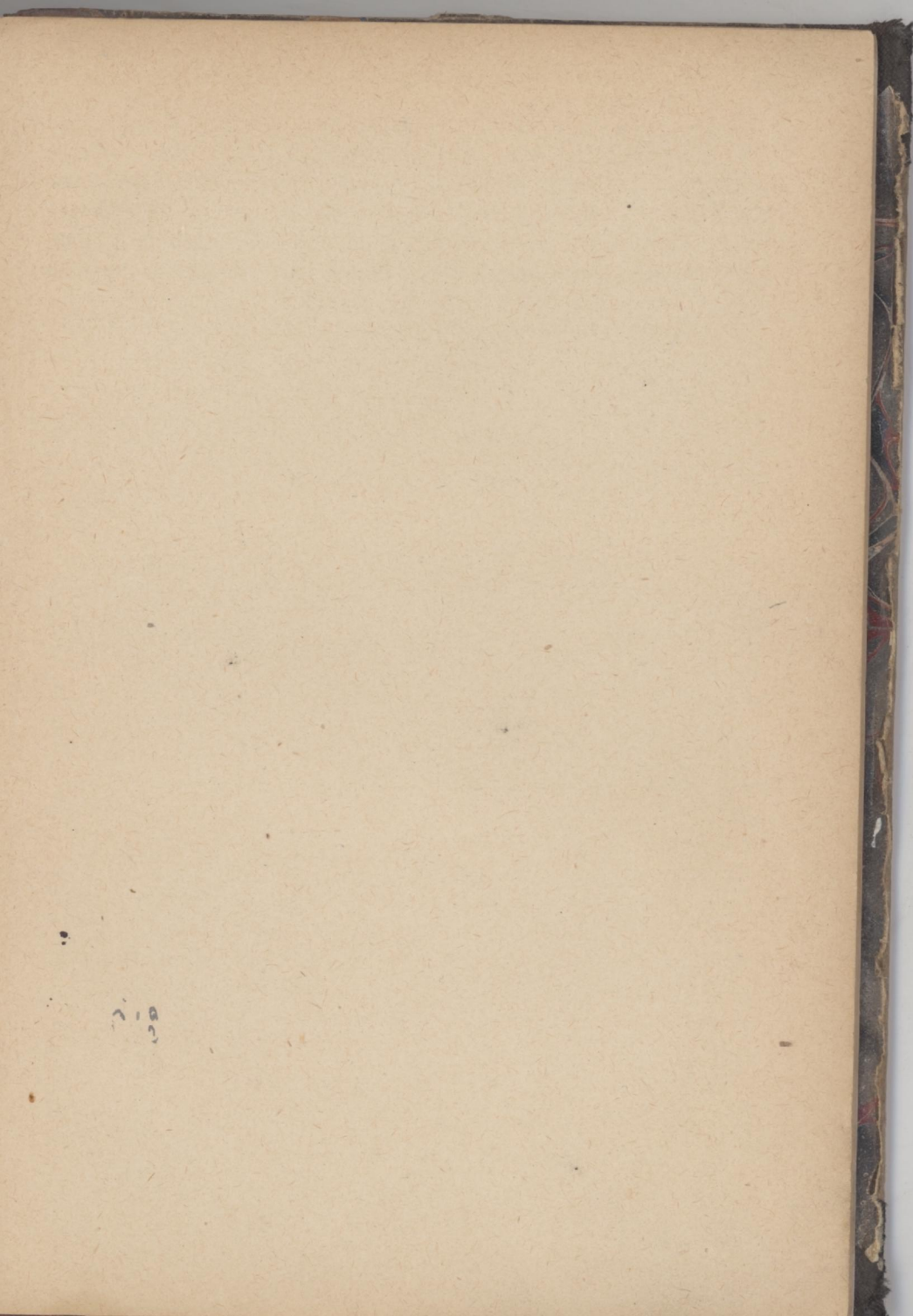
Осажденные имѣли свѣжій, бодрый видъ и неутомимо трудились, безропотно переносились всякія лишенія и невзгоды. Солдаты безпрекословно и съ необыкновеннымъ рвеніемъ исполняли приказанія своихъ начальниковъ, стараясь превзойти другъ друга въ усердіи и самопожертвованіи. Казалось, теперь для нихъ ничего не было невозможнаго. Бѣлыя рясы монаховъ постоянно развѣвались на крѣпостныхъ стѣнахъ. Съ крестами и четками они стояли безстрашно подъ непріятельскимъ огнемъ, съ презрѣніемъ глядя въ лицо смерти. Это распоряженіе настоятеля сразу возымѣло благотѣльные послѣдствія, такъ какъ присутствіе духовныхъ, ихъ самообладаніе въ минуту опасности импонирующимъ образомъ дѣйствовало на окружающихъ солдатъ, возбуждая въ нихъ энергію и мужество.

Итакъ, дѣло обороны было поставлено на надлежащую высоту, и казалось теперь, что ясногорскіе защитники, воодушевленные глубокой вѣрой, подъ руководствомъ храбрыхъ вождей, подъ наблюденіемъ благочестивыхъ священнослужителей, не испытаютъ болѣе чувства тревоги и сомнѣнія и преодолѣютъ все, ради исполненія священнаго долга и горячей любви къ своей многострадальной родинѣ.

Но слабы, слабы людскія сердца!

Конецъ первой части.

Въ Главной конторѣ журнала „СВѢРЪ“ (Спб. Невскій, 170) продаются:

РОСКОШНЫЕ ПОРТРЕТЫ
2 р. Е. И. В. Государя Императора 2 р.
НИКОЛАЯ II,

художественно исполненные по особому заказу (въ 19 красокъ, вышиною — 15 верш. и шириною—12 верш.). Цѣна 2 руб. съ перес., а для гг. подписчиковъ журнала „СВѢРЪ“, казенныхъ учреждений и школъ—1 руб. съ перес.

СОБРАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ
Генрика Сенкевича.

«Огнемъ и мечемъ»—въ 4 ч. (in 8°, 661 стр.). Цѣна: 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к. 2) «Потопъ»—въ 9 ч. (in 8°, 1058 стр.). Цѣна: 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. 3) «Панъ Володевскій»—въ 3 ч. (in 8°, 552 стр.). Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. Покупаящіе всѣ 3 романа платятъ 5 р., съ перес. 6 р.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
4 р. **Н. Д. АХШАРУМОВА.** 4 р.
Въ 10 томахъ.

Съ приложеніемъ портрета автора, его автографомъ и біографическимъ очеркомъ А. Саранина. Томъ I: «Чужое имя», романъ въ 3-хъ ч. Частъ 1-я, гл. I—IV. Частъ 2-я, гл. V—X. Частъ 3-я, гл. XI—XIII. Томъ II: «Родственники. III—Свиданіе. IV—Полубовная сдѣлка. V—Дѣла. VI—Рубиконъ. Частъ 2-я, гл. I—Товарищи. II—Розыскъ. III—Визитъ. IV—Могины. V—Ариадна. Томъ II: «Чужое имя», ром. (окончаніе). Частъ 1-я, гл. I—X. Частъ 2-я, гл. XI—XIII. Томъ III: «Судьба. II—Суженный. III—На новыхъ мѣстахъ. IV—Гость. V—Съ плачу на галъ. VI—Кузины VII—Открытія VIII—Объясненія. IX—Разсѣты. X—Итоги. Частъ 1-я, гл. I—X. Частъ 2-я, гл. XI—XIII. Томъ IV: «Мандаринъ», романъ въ 4-хъ ч. Частъ 1-я, гл. I—XV. Томъ V: «Мандаринъ», ром. (окончаніе). Частъ 2, 3 и 4-я. Томъ VI: «Двойникъ» повѣсть. Предисловіе. I—Болѣзнь. II—Кризисъ. III—Ампутация. «Игрокъ» повѣсть въ 2-хъ ч. Томъ VII: «Мудреное дѣло», очеркъ въ 3-хъ ч. Частъ 1-я: Отсталый. Частъ 2-я: Между словомъ и дѣломъ. Частъ 3-я: На дѣлѣ. Томъ VIII: «Граждане лѣса», сказка въ 2-хъ ч. Томъ IX: «Натурщица», юридическая фикція—«Во что бы то ни стало», романъ въ 3-хъ ч. Частъ 1-я: Дѣло Лизы. Томъ X: «Во что бы то ни стало», ром. (продолженіе). Частъ 2-я: Принцесса въ поденницахъ. Томъ XI: «Во что бы то ни стало», ром. (окончаніе). Частъ 3-я: Отказъ отъ наслѣдства.—Выброшенная за бортъ.

Цѣна за 10 томовъ: 4 р. безъ перес., 5 р. съ перес.; въ роскошныхъ переплетахъ изъ цвѣтного англійскаго коленкора съ чернымъ и золотымъ тисненіями—5 р. безъ перес., 6 р. съ перес.

Гг. подписчики „СВѢРА“ за пересылку не платятъ.

Высылка производится немедленно по полученіи 1 руб. задатка (деньгами или почтовыми марками). Съ наложеннымъ платежемъ, безъ задатка, изданіи не высылаются.

Мекен

4. OKT. 15

Мокет

Ка 20 00

29. OKT. 1915

Мок

Манди

Нидуг в Косин

9. FEB 1917

Как Нидуг